

Детектив & Путешествие

ПРИНЦЕССА АЗИИ

ЮЛИЯ
АЛЕЙНИКОВА

Детектив-Путешествие

Юлия Алейникова

Принцесса Азии

«ЭКСМО»

2013

Алейникова Ю. В.

Принцесса Азии / Ю. В. Алейникова — «Эксмо»,
2013 — (Детектив-Путешествие)

Тропический тайфун застал русского олигарха Василия Ползунова и его жену Юлию в самой глуши азиатского королевства Камбоджа. Но в этот раз они не наслаждались отдыхом в комфортабельном номере люкс, а практически плыли в полузатопленном автомобиле сквозь жуткие дебри камбоджийских джунглей, спасаясь от преследования местных мафиози. А причиной всему, конечно же, неумное любопытство господ Ползуновых и неудержимая привычка попадать во всевозможные неприятности. На великосветском приеме у самого премьер-министра страны убивают конкурента Василия Андрея Стрельцова, и Ползуновы, опасаясь, что их обвинят в смерти соотечественника, не придумав ничего получше, сбегают с мероприятия в мусорном фургоне, по дороге отбиваясь от поваров и официантов. Не зная ни кхмерского языка, ни дороги, беглецы могут рассчитывать только на себя. Но им это не впервой! Эту сладкую парочку так просто не возьмешь!..

© Алейникова Ю. В., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	26
Глава 9	29
Глава 10	32
Глава 11	35
Глава 12	37
Глава 13	39
Глава 14	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Юлия Алейникова Принцесса Азии

© Алейникова Ю., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Мир был окрашен в бурые безрадостные тона. Бурой была теплая жижа, доходившая Юле до колен, остовы пальм, пальмовые листья, торчащие из грязи, словно хребты вымерших ящеров. Развалины хижин, кусты и деревья, позавчера еще покрытые нежными бело-розовыми цветами, – все было покрыто слоем бурой грязи. Даже небо утратило свой естественный голубой цвет и выглядело мрачным и неумытым. Мимо в мутном потоке проплывали бутылки, кастрюли, доски, чей-то шлепанец, гнилая тыква. Несколько семей прошли мимо, понурые, угнетенные, они уныло двигались в бурой жиже, неся на спинах детей и стариков. Местами вода доходила путникам до подмышек.

Какой-то бодрый дедок проплыл мимо, сидя верхом на двери и работая уличной метлой как веслом, рядом с ним свернулся калачиком тощий облезлый кот.

– Надо двигаться, – сказал Василий, по привычке взглянув на остановившийся циферблат своего «Ролекса».

– Да, – тяжело вздохнула Юля и вскарабкалась на торчащий из грязи камень, а с него перелезла на могучую спину любимого супруга.

– Эй? Ты чего делаешь? – завертелся вокруг себя супруг.

– В дорогу готовлюсь.

– Класс. А почему ты на меня залезла? – гудел Василий.

– А ты чего хотел? Я босиком, а в воде могут быть стекла, острые железяки, ямы. Да мало ли что!

– Так, а я, типа, обутый? – упер здоровенные, как окорока, руки в бока муж.

– А у тебя кожа, как у носорога, ее шилом не проткнешь! И потом, это ты меня затащил в этот рай земной. Вот теперь вытаскивай обратно. К тому же я маленькая, худенькая, слабая, беззащитная...

– Анаконда! – грубо перебил жену Василий. – Ты своими маленькими худенькими ручонками если вцепишься, то уже никто не вырвется, – буркнул он и потопал вперед, растопырив руки, чтобы не потерять равновесия в густой, скользкой жиже.

От деревушки не осталось ничего, кроме строительного мусора, наваленного кучами вдоль обочины. К сожалению, слишком мелкого, чтобы превратить его в плавсредство. Василий осторожно, маленькими шажками спускался с пригорка, стараясь не потерять равновесия. Когда они достигли дороги, вода поднялась Василию до груди, а Юле, соответственно, до талии.

– Как ты думаешь, его можно съесть? – показал Василий на проплывающий мимо кокос.

Два дня, пока бушевал тайфун, Юля с мужем боролись за выживание, не имея ни крошки продовольствия и одну на двоих бутылку воды, к счастью, двухлитровую.

Сидя верхом на муже, Юля с горечью вспоминала проклятый прием, который так дорого им с Василием обошелся.

В тот вечер, всего-то четыре дня назад, Юля легкомысленно выбирала платье, желая очаровать нужных Василию камбоджийских чиновников. Нарядившись в темно-бирюзовое платье асимметричного кроя, с единственным кружевным рукавом, от Etro, в черных туфлях на высоченной шпильке, она павой выплыла из отеля и, сверкая брильянтами, уселась в ожидавший их с Василием «Мерседес». Лимузинами гостиница не располагала.

Прием устраивался камбоджийским премьер-министром в честь дня рождения короля или королевы, Юля не запомнила, а может, в честь их коронации. Приглашены были первые люди государства, иностранные посланники, крупные бизнесмены и перспективные иностранные инвесторы. К каковым Ползуновы и относились.

Начало банкета было совершенно традиционным, официанты разносили шампанское и легкие закуски, гости беседовали, неспешно передвигаясь по залу, Юлю все время с кем-то

знакомили, она улыбалась, жала руки, говорила комплименты, восхищалась страной, демонстрируя знание ее истории и культуры. Знания эти были почерпнуты во время перелета и подкреплены многочисленными экскурсиями, которые она совершала в свое удовольствие, пока Василий продвигал свой бизнес. Элегантные черноволосые дамы с миндалевидными глазами, с нежными, как пение райских птиц, голосами, мелкими шажками перемещались по залу, сверкая украшениями, щеголяя изящными туалетами от ведущих мировых кутюрье. Мужчины, невысокие, улыбающиеся сладкими азиатскими улыбками, в которых всегда есть что-то ядовитое, тихо беседовали, чинно раскланиваясь с гостями. Вилла, оформленная в традиционном кхмерском стиле, очаровала Юлю легкостью ажурных колонн, яркостью росписей, декоративностью резных элементов. Небольшой оркестр наигрывал популярные европейские мелодии. В больших китайских вазах благоухали букеты, раскидистые пальмы в кадках заполняли ниши. Богатство, респектабельность, запах власти витали под сводами покрытого росписью потолка.

Потом был ужин, потом убили Стрельцова.

Стрельцов Андрей Петрович являлся главой конкурирующей с Василием фирмы в Камбодже. У него уже были налажены здесь связи, пущены корни, и он сильно сопротивлялся вторжению Юлиного мужа в зону его интересов. Страсти накалились до того, что, увидев друг друга на приеме, оба налились пурпуром и, столкнувшись корпусами, как два броненосца, молча, в едином порыве, двинулись в курительную, где сразу же схватили друг друга за грудки. К счастью, в тот момент в курительной не было ни души, и горячая встреча соотечественников осталась не замеченной окружающими. Юля стояла в отдалении и, потягивая вино из бокала, следила, чтобы они не сильно шумели и не поубивали друг друга.

Когда в сторону курительной двинулся один из гостей, пожилой, сухощавый господин в смокинге и с экзотическим орденом на груди, вроде какой-то министр, их представляли, но Ползунова, увы, не запомнила, ибо упомянуть всех она просто не могла, Юля, натянув на лицо улыбку, двинулась наперехват и, повиснув у министра на руке, потащила его обратно в зал, прося рассказать об основных направлениях развития современной камбоджийской экономики и ее приоритетных отраслях.

Судя по его растерянному виду, он был либо министром образования, либо здравоохранения, потому что лепетал что-то несвязное относительно сельского хозяйства и явно не владел предложенной темой. Но зато, дабы удовлетворить здоровое любопытство гостыи, представил Юлю супруге заместителя министра финансов, эффектной даме с юным лицом и мудрыми глазами, сам же немедленно ретировался в противоположном курительной направлении. Еще в начале вечера Юля обратила внимание на необычную внешность этой леди, она, пожалуй, выглядела наиболее европеизированно среди всех присутствующих на приеме дам. Когда их познакомили, они легко разговорились, причем тема камбоджийской экономики была тут же забыта, оказалось, госпожа Сан Пхенг в девичестве носила фамилию де Мора и являлась потомком знатного испанского рода. Ее дальние родственники до сих пор владеют старинным замком в провинции Кордова. Отсюда и необычная красота этой женщины, соединившей в себе черты двух народов. Нежный овал лица со слегка завышенными скулами, миндалевидный разрез огромных мерцающих глаз, пухлый небольшой ротик и тонкий изящный нос с несколько хищной линией ноздрей делали ее неотразимой и загадочной. Наверняка мужчины при виде этой красавицы непременно должны терять головы, пускаясь на любые безумства. При этом она была невероятно мила, умна и образованна. Госпожа Сан, они с Юлей как-то легко перешли на имена, с удивительно тонким юмором охарактеризовала почти всех гостей в зале, пообещала достать Юле приглашение на ближайший королевский прием и представить правящей династии. Она решила непременно посетить Ползуновых во Франции, не позднее этой зимы, а может, и в России, обсудила последние модные показы в Милане. Дамы договорились завтра же вместе совершить поездку на озеро Тонлесап, посмотреть на плавучую деревню и посетить вместе крокодиловую ферму. Так, благодаря случайно выловленному возле курительной гос-

подину, Юля неожиданно обрела подругу и компаньонку, и ее пребывание в Камбодже обещало стать еще приятней, веселее и познавательнее, не говоря уже о том, что Василий с ума сойдет от счастья, поскольку теперь супруга сможет составить ему протекцию в самых высоких правительственных кругах.

И вот, когда Юля пребывала в состоянии полнейшей эйфории, как никогда наслаждаясь вечером, появился ее драгоценный муженек.

– О! Василий! – расплылась она в благодушной улыбке, приветствуя потного всклокоченного Ползунова.

Господин министр, в которого Юля вцепилась мертвой хваткой, радушно улыбнулся, приготовившись познакомиться с Юлиным супругом, но супруг повел себя неадекватно.

Схватив Юлю за руку, Василий затащил жену за развесистую пальму и, вытаращив безумные глаза, прошептал: «Стрельцова убили!»

– Класс! Одним конкурентом меньше! – беспечно рассмеялась супруга, успокаивающе улыбаясь своему недавнему собеседнику, мол, все в порядке.

– Ты что, не слышишь?! – прорычал страшным шепотом Василий. – Его грохнули! Только что! В курительной!

– Это что, шутка такая? – никак не могла поверить в абсурдное заявление мужа Юля, продолжая автоматически размышлять, удобно ли будет пригласить Сан завтра на ужин с супругом.

Ползунов, оглядевшись по сторонам затравленными, полными безумия глазами, схватил ее за руку и поволок в распахнутое французское окно, выходящее на освещенную украшенную гирляндами террасу, но в этот миг жуткий вопль огласил залу.

И Ползунов, простонав: «Все! Нашли!», потащил жену сквозь спешащий в курительную поток гостей, грубо расталкивая всех. Юля то и дело врезалась в кого-то, извинялась, наступала кому-то на ноги, ей наступали, чуть не порвали платье, пока Ползуновы, наконец выбравшись из зала, не вломились в кухню.

Ловко маневрируя между столами и плитами, уронив всего пару блюд и подносов, свернув на пол замысловатый десерт в форме башни, украшенной фруктами, расталкивая маленьких, худощавых кхмерских поваров, супруги пробивались к дверям. Василий стремился к выходу с неукротимостью носорога, несущегося сквозь заросли. Юля болталась позади, изо всех сил стараясь не врезаться во что-нибудь. Один раз, чтобы удержать равновесие, ей пришлось опереться на стол, Юля вляпалась в какую-то миску, и теперь ее рука была перемазана чем-то вонючим и коричневым. Не имея возможности вытереть ее культурно салфеткой, проносясь мимо очередного поваренка в белоснежной курточке, мадам Ползунова цинично вытерла об него руку и услышала вслед несущиеся проклятия. Обернувшись на этот крик, Юля с ужасом обнаружила погоню. Весь персонал кухни, похватав, кто что мог, от безобидной поварешки до устрашающего вида тесака, кинулся за Ползуновыми, пытаясь захватить их в кольцо. С криком «Погоня!» Юля припустила вперед, и теперь уже Василий болтался где-то сзади, прикрывая тылы. Пару раз до нее долетали звуки ударов и злобный рык Василия Никаноровича.

Повара, юркие, мелкие, хорошо знающие кухню, настигли беглецов на выходе и кинулись врукопашную. Василий, отняв у одного из атакующих большую чугунную сковородку, ловко отбивался ею от нападающих, особенно ему удался удар по лбу, который он мастерски отвесил руководящему неприятелем шеф-повару, тот зашатался и упал в объятия ординарца. Потеряв главнокомандующего, противник стусеивался, и Юлин муж, нанеся еще несколько ощутимых ударов, выбил внушительным задом дверь, ведущую с кухни, и, протолкнув вперед жену, выскочил в коридор, успев зафиксировать дверь длинной деревянной ручкой сковороды.

– Уф, думал, не вырвемся! – выдохнул Василий, утирая пот. Его некогда черный смокинг с белоснежной сорочкой были теперь перемазаны соусами и подливками, а на голове,

свесив щупальца, пристроился небольшой осьминог, к счастью, уже мертвый. Страхнув с себя достойного представителя отряда головоногих, Василий снова схватил жену мертвой хваткой и, не давая ей опомниться, скатился кубарем с лестницы. Пробежав коротенький плохо освещенный коридор, они выскочили на улицу.

– Вася, стой! Ты с ума сошел?! Я уже вымокла вся! У меня прическа! Туфли! Да стой ты, наконец! – упиралась Юля, пытаясь вернуться обратно на крыльцо.

– Объясняю для тупых! – проорал ей в лицо всклокоченный муж. – Стрельцова только что грохнули! Практически в моем присутствии. Кто это сделал, я не знаю. Но человек десять, если не больше, видели, как мы с ним ругались, чуть не до мордобоя. Через минуту-другую там, – Василий выразительно ткнул сарделькообразным пальцем в сторону банкетного зала, – появится полиция. А еще спустя какое-то время мне предъявят обвинение и упекут в местную тюрьму.

Юля побледнела.

– Дошло? – спросил муженек, буравя жену глазами.

– Боже мой! Во что ты опять вляпался? – Волосы у нее на голове встали дыбом. Камбоджа не Россия, знакомых у них здесь нет, связей нет, законов они с Василием не знают, языка не знают, а все виденное по телику свидетельствует о невероятной жестокости азиатского правосудия, диких условиях содержания заключенных и некоторой предвзятости в отношении иностранцев. – Что же делать? – цепenea от ужаса, спросила Юля.

– Бежать. Немедленно! У тебя паспорт с собой?

– Да, – Юля сунула ему под нос маленький клатч, в который, кроме пудреницы и помады, был втиснут паспорт.

– Сейчас же в аэропорт! – скомандовал муж, хватая ее за локоть.

В этот момент до них долетел звук заводящегося мотора.

– О! – радостно воскликнул Вася и, сделав энергичный рывок, в несколько шагов догнал выезжающий со двора открытый грузовичок, Юля спорить не стала, ибо дверь резиденции с грохотом открылась, и под дождь высыпали все десять служителей ножа и поварешки.

Ползунов, схватив жену под мышки, ловко закинул в кузов отъезжающей машины, сам перевалился через борт, и спустя минуту они покинули светское мероприятие. Подобно Золушке явившись на бал в карете, Юля покидала его, сидя на тыквенных очистках. Фургон вывозил с кухни отходы.

Туфля потерялась, платье больше напоминало половую тряпку, честно отслужившую две смены в привокзальном туалете.

– И зачем ты только его грохнул? – укоризненно спросила Юля мужа, тяжело переводя дыхание, пока Василий ерзал, пристраиваясь между бачками с отходами.

– Ты что, спятила? – Василий пнул ногой мешавший бачок, отозвавшийся мерзким запахом тухлой рыбы. – Я его не убивал! Да как тебе такая дичь в голову пришла?

– А зачем мы тогда сбежали? И ты же сам сказал, что он при тебе умер.

– Я сказал, что его убили фактически в моем присутствии!

– А что же ты не заступился? – безмерно удивилась Юля, совершенно не понимая, как это возможно, чтобы на великосветском приеме убили одного из гостей, а другой стоял рядом и спокойно взирал на это зрелище. Бред, да и только!

– Хватит надо мной издеваться и дуру строить! – не разделил ее недоумения супруг. – Когда сядем в самолет, я тебе все подробности изложу.

– А ты не боишься через аэропорт драпать? Там паспортный контроль самый строгий. А вдруг, пока мы билеты покупаем и рейса ждем, они тебя в розыск объявят? – небрежно поинтересовалась Юля, пытаясь отодвинуть от себя корзинку с гниющими очистками. – Аэропорт наверняка первым проверят.

– Точно! – гнусаво ответил муж, пытаясь прикрыть лацканом нос. – А что делать?

– Не знаю, – задумчиво протянула Юля, выровняв, наконец, дыхание и натянув на нос узкий длинный подол платья. – Может, по суше? С кем они хоть граничат?

– С Таиландом, кажется, и вроде еще с Лаосом, – неуверенно проговорил Ползунов.

– Таиланд страна безвизовая, давай туда, – предложила Юля, пока грузовичок неспешно катил по тихим улочкам элитного пригорода среди дремлющих вилл и роскошных садов, под теплыми тонкими струями, нескончаемым потоком льющимися им на голову, но тут издалека до супругов долетел тревожный вой полицейских сирен.

– Ну вот, пожалуйста! Еще полчаса, и меня объявят в розыск! – дернулся среди бачков Василий, пытаясь пригнуться пониже.

Брошенная Юле, эта фраза была как обвинение, и только ангельское терпение и недюжинная выдержка помешали ей дать достойный ответ. Можно подумать, это она угодила в очередной переплет!

Грузовичок тем временем въехал на окраину Пномпеня и запетлял по узким неказистым улочкам.

– Знаешь, надо выбираться из этого фургона, с минуты на минуту повара настучат, что мы на нем смылись, и нас почикают, у водителя наверняка мобильник есть, – тревожно озираясь, предложил Василий.

– Страшновато, – поделилась Юля с мужем. – А вдруг тут собаки бездомные бегают, а от нас воняет, как от рыбокомбината, сожрут, как пить дать! Или разобьемся? А то и чего похуже.

– Похуже только камбоджийская тюрьма! – рыкнул Василий. – Слезай давай. Он еле ползет, выживем.

И он мужественно прыгнул вниз. К счастью, никаких собак не оказалось, и покалечились они не сильно. Вернее, Василий совсем не покалечился. А вот преданная до глупости супруга беглого олигарха ободрала голую руку, разбила оба колена и окончательно порвала платье, зацепившись во время падения подолом за край борта. До каких пределов должна простираться супружеская преданность, задалась вопросом Юля, пересчитывая ссадины и ушибы.

Глава 2

Юля шлепала по мокрой траве обочины босыми ногами – туфли были безвозвратно утрачены, поддерживая подол дорогушего, навсегда испорченного платья. Спутанные волосы то и дело падали ей на лицо противными мокрыми прядями. Брильянты она сняла и затолкала в сумочку. Ползуновы то бежали, то, выдохшись, переходили на шаг. Было безлюдно. Ни машин, ни пешеходов.

– Хоть бы рикша попался, – пропыхтел муж, – а еще лучше такси.

И тут, как по мановению волшебной палочки, раздался сперва шум мотора, а потом вспыхнувший свет фар осветил асфальт, мокрые кусты, растущие у дороги, и горемык, бредущих вдоль обочины.

Василий среагировал мгновенно, с криком «ложись!» он схватил жену за предплечье и, метнув в заросли, сам прыгнул следом. Юля упала в самую середину куста, ломая ветки, цепляясь за них и царапая несчастное измученное тело. Пока она охала и ахала, машина проехала, но за ней показалась следующая, потом еще и еще.

– Все. Прием окончен, гости разъезжаются по домам. Значит, полиция уже все знает, всех опросили, всех переписали. Нас начали искать. А мы все еще здесь околачиваемся! – Дальше последовала нецензурная брань.

– Слушай, а может, нам вернуться и угнать у хозяина какую-нибудь машину? Семь бед – один ответ. А?

– Идиотка! – коротко, но предельно четко сформулировал Ползунов свое мнение.

– Правильно, – кротко согласилась Юля. – Ведь это мне пришлось в голову бегать по служебным помещениям, драться с поварами, удирать в обнимку с мусорными баками. Вместо того, чтобы просто выйти на крыльцо, сесть в свою машину и тихо отправиться в аэропорт. Глядишь, успели бы сбежать.

Лицо у Ползунова вытянулось и теперь очень напоминало морду бультерьера. Такое же бледное и недружелюбное.

Кровожадно щелкнув пастью, он, подобно хамелеону, сменил окраску, налившись благородным пурпуром, и разразился пространной речью о превосходстве мужского интеллекта, логики и скорости реакции над теми же женскими показателями. Сказано это было горячо, с душой, и с использованием ненормативной лексики.

А потом, проломившись сквозь густой колючий куст, они снова пустились в бега.

Пномпень не Париж, не Лондон и даже не Москва с Петербургом. После полуночи жизнь на городских окраинах замирает. А часы показывали одиннадцать, когда Ползуновы наконец выбрались в жилые кварталы. Теперь они еле плелись.

Редкие прохожие косились на них и старались прибавить шагу. Один раз стайка озорных мальчишек лет одиннадцати, все еще болтавшихся на улице, закидала супругов обедками из мусорного бака, свистя и улюлюкая, и Ползуновым пришлось пуститься наутек, из последних сил налегая на уставшие ноги. Если вначале такая реакция местного населения их удивляла, то, внимательно посмотрев друг на друга, они все поняли. Не каждый день увидишь на улицах Пномпеня европейку в мужских носках, длинном волочащемся по лужам вечернем платье с разрезом до середины бедра, глубоким декольте и рваным подолом, с мокрыми кудлатыми волосами, в которых торчат веточки и листики, всю ободранную и исцарапанную, с разбитыми коленками, под руку со спутником в ботинках на босу ногу, в черном, вонючем, насквозь мокрым и рваном смокинге, перемазанном до самых пят пищевыми отходами, в съехавшем набок галстучке бабочкой и грязной некогда белой сорочке.

– Тебе не кажется, что мы привлекаем слишком много внимания? – спросила Юля у мужа. И в этот момент возле них притормозил белый, сильно ржавый, очень старенький

«Рено Меган», из которого вышел важный, строгий камбоджиец лет сорока пяти и, значительно покосившись на окна, пикнул сигнализацией.

Василий резко взял с места, налетев на растерявшегося кхмера и прижав его к машине, стал совать мужику в нос свой бумажник, одновременно тыча пальцем в авто.

Мужик отбивался от Василия, что-то нервно кричал. Чувствуя, что дело пахнет полицейским участком, Юля кинулась на помощь мужу, пытаясь заверить несчастную жертву нападения, что ее не собираются грабить, а скорее наоборот.

Когда Василий открыл свой бумажник, кхмер оживился и даже стал проявлять горячую заинтересованность в сделке. Хитрый азиат быстро смекнул, что чокнутые богатенькие европейцы остро нуждаются в его развалюхе, и в ходе жаркой короткой перепалки выжал-таки из них четверо против ее реальной стоимости.

Завладев наконец вожденной машиной, супруги, быстренько запрыгнув в нее, взяли с места в карьер и спустя минуту скрылись в лабиринте улочек, предварительно спросив у ошалевшего от счастья пномпеньца, в какой стороне Таиланд.

– Ну вот, – вздохнула Юля, с облегчением скинув мужнины носки и вытянув натруженные ноги. – Теперь ты мне расскажешь, что там произошло?

Рассказ Василия был короток и подробностями не изобилдовал. Они со Стрельцовым ругались в курительной, отпугивая своими перекошенными злобой лицами всех страждущих курильщиков, кои заглядывали в комнату. Они переругивались, сыпля угрозами, когда Стрельцов вдруг замолчал, глядя куда-то в сторону, а потом, схватив Василия под руку, начал нести какую-то чушь про взаимовыручку, дружеские связи, цивилизованные способы конкуренции, стал предлагать выпить за перемирие и все время тянул его в зал. Василий окончательно рассвирепел: «Вот, думаю, скользкий гаденыш, еще мозги мне пудрить будет, нашел лоха! Короче, высказал ему все, что думал, вырвал у него свою руку и пошел в зал, а когда уже был в дверях зала, оглянулся, хотел этому гаду на прощание палец показать, а он на полу лежит лицом вверх. Ну, я растерялся, сначала хотел уйти, а потом думаю – вдруг ему плохо, помрет еще, не дай бог, и вернулся. А он уже помер. Лежит и смотрит вверх пустыми глазами, а изо рта тоненькая красная струйка вытекает. Я решил на всякий случай послушать, может, сердце еще бьется, наклонился и вижу – прямо у меня перед глазами красное пятно по груди расплзается. От страха у меня вся рубашка намочка, ну, думаю, дела, а главное – когда? Значит, только я спиной повернулся, кто-то его в ту же минуту и пришел. И ведь ни шума, ни оружия – ничего. И не видел я никого, ни пока мы ругались, ни когда я выходил. Дальше я разбираться не стал, оглянулся быстренько, не видит ли кто, вскочил на ноги, занавеску в курительную задернул и к тебе».

Голос Василия дрожал от возбуждения. Да и Юля, услышав рассказ, приуныла. В такой ситуации Василий и вправду будет подозреваемым номер один.

– Хорошо, что мы сбежали, – подвела она первый неутешительный итог.

– Вот именно, – поддакнул муж, полностью сосредоточенный на дороге. Узкие, плохо освещенные улицы окраины так и норовили сбить их с пути, запутать, увести в сторону от выбранного направления.

Перед Юлиными глазами как живая стояла картина происшествия, нарисованная Василием. Вот они ругаются, потом Стрельцов резко идет на попятный... А почему он резко идет на попятный?

Эту мысль она не смогла додумать, потому что где-то вдалеке раздался явственно различимый вой полицейской сирены.

– Все! Выследили! – хрипло прорычал муж, давя на газ. И машина резво рванула по пустынной ночной улице.

– Стой! – проорала Юля, ее вдруг осенило. – Выключай фары и паркуйся! Быстрее! Пока они нас не увидели! – Судя по звуку, полиция должна была появиться с минуты на минуту.

Василий оценил маневр и резко бросил машину к тротуару. Едва они пригнули головы, мимо них, выскочив откуда-то с боковой улочки, пронеслась «неотложка» и с воем унеслась дальше.

– Фу ты, – выдохнул с облегчением Василий. – Вот уж правду говорят – у страха глаза велики.

– Малы или велики, а мы с тобой являем собой крайне подозрительную парочку. Взгляни на себя. Если нас остановят полицейские, даже случайно, нам просто так не отделаться. Да и завтра, когда рассветет и нам надо будет заправиться, или пойти поесть, или пересечь границу, как мы покажемся в таком виде?

И они еще раз осмотрели себя. Василий выглядел еще ничего. Снять пиджак и галстук, надеть носки – и можно жить. Но вот Юля?

– И что делать? – спросил Василий, скептически оглядывая жену. – Ночь на дворе, у них ни один магазин не работает.

Юля сидела и смотрела на себя в крохотное зеркало над приборной доской. Ее белокурые, обычно ухоженные волосы, сейчас кое-как приглаженные рукой, напоминали воронье гнездо. Макияж размазался по лицу. Больше всего она напоминала себе кикимору, особенно этому способствовало некогда бирюзовое платье.

– Мне нужны расческа, жидкость для снятия макияжа, одежда и обувь, – строго сказала мужу Юля.

Василий только хрюкнул.

– Ладно. Расческа, умыться, одежда и обувь.

– Украду я их, что ли? – взорвался муж. – Видишь, ночь на дворе. Закрыто все!

– Точно! Укради! – обрадовалась Юля.

– Ты совсем рехнулась? Мало мне одного преступления! – возмутился Ползунов.

– Да, а когда тебя твой дружок Мравинов грохнуть хотел и мы во французских виноградниках прятались, я для тебя и еду и одежду украдала! – припомнила Юля историю их с Василием романа, крепко приправленного остротой риска для жизни.

– Ну, сравнила! – протянул супруг.

– Ах, так! Или достаешь мне одежду, или драпай сам, я возвращаюсь в отель. В конце концов, я никого не убивала, – выдвинула она ультиматум, топнув грязной босой ногой.

Кажется, подействовало. Потому что Василий, как-то приуныв, начал шарить глазами по сторонам, видимо, в поисках подходящей жертвы. Конечно, Юля его бы ни за что не бросила. Но в конце концов, кто из них мужик? Должен же он позаботиться о любимой женушке? Это раз, а во-вторых, как она уже говорила, вид у Василия был приличнее, да и в брюках и ботинках орудовать куда сподручнее, чем босиком и в длинном узком платье.

– А где воровать-то? – тоскливо и растерянно спросил Василий.

Воровать действительно было негде. А потому, решив, что утро вечера мудренее, Юля сняла с мужа пиджак, откинула назад сиденье и, пожелав ему не сбиться с курса, погрузилась в тревожную дремоту.

Глава 3

Проснулась она от запаха. Последние несколько минут перед пробуждением Юле снилось, что она барахтается в бездонной компостной яме и никак не может оттуда выбраться. Юля так отчаянно боролась за жизнь, что в конце концов проснулась. Первое, что она увидела после пробуждения, были два нереально огромных черных глаза на совершенно белом, ненормально вытянутом лице. Вокруг клубился густой туман. Решив спросонья, что их похитили инопланетяне, и плохо соображая, где они находятся, Юля заорала не своим голосом и, конечно, разбудила Василия. Тому, видно, тоже спалось беспокойно, потому что, еще не успев открыть глаза, он сразу подскочил и с воплями «Что, обложили? Живым не дамся!» распахнул дверцу и вывалился из машины. Жуткое существо, напуганное их воплями, отскочило от окна, и сразу стало ясно, что это тощая, не в меру любопытная коза, заглянувшая в убежище беглецов, стала причиной переполоха.

Василий, которого удар о землю привел в чувство, забрался обратно в салон и, потирая ушибленную голову, сердито спросил, чего это жена орет как ненормальная.

– Коза напугала, – пожаловалась жена, показывая на пасущееся поблизости животное. – А кстати, где это мы? И что это за запах?

Запах ей не приснился, он был совершенно реален. Тяжелым густым облаком он наполнил потертый салон, глаза слезились, легкие отказывались вдыхать насыщенную органическими испарениями субстанцию, заменившую собою обычный кислород.

– Понятия не имею ни где мы, ни чем это воняет, – сморщив нос, отозвался Ползунов. – Вчера я ехал, пока глаза слипаться не стали, а потом просто свернул на обочину и уснул. – Он сладко зевнул и почесал небритую щеку. – А может, это от нас так воняет? – спросил он, припохиваясь к Юлиному плечу.

– Нет, – сердито отодвинулась она от мужа. И хотя оба благоухали далеко не розами, этот душающий запах шел явно с улицы.

За окном начало светать. Туман постепенно рассеивался, и стало видно, что они ночевали недалеко от небольшого сарайчика на сваях, рядом с которым в грязи дремало штук шесть здоровенных хрюшек, под сарайчиком на жердочках сидели нахохлившиеся куры, знакомая коза щипала траву рядом с «Рено». Вокруг стояла тишина, нарушаемая лишь редкими всхрюками просыпающейся живности.

– О! – оживился вдруг Василий. – Одежда! Хочешь, украду?

Юля проследила за его пальцем. За домом – оказывается, это был не сарай – виднелись натянутые веревки, на которых сушилось хозяйское белье.

– Нет, – категорически отказалась она.

Царящая вокруг нищета не позволила бы Юле отнять у этих людей даже пучок травы возле дома.

Дом был построен из бамбука, щели в стенах кое-где были заделаны обычным картоном, скромные пластмассовые миски и покореженные железные кастрюльки стопочкой стояли на крыльце. К одному из столбов, поддерживающих это хлипкое строение, был прислонен небольшой ржавый велосипед. Сквозь многочисленные щели было видно, что в доме совершенно нет мебели, а когда закрывавшая вход циновка приподнялась и на пороге появилась очень худенькая печальная женщина лет пятидесяти, Юля с Василием увидели лежащих прямо на полу четверых ребятишек, накрытых одним потертым одеялом.

– Как только ты их не разбудил ночью, когда подъехал? – удивилась Юля, вылезая из машины навстречу хозяйке дома. Женщина стояла на пороге и с удивлением смотрела на неизвестно откуда взявшихся гостей.

Запахнув поплотнее пиджак, Юля низко поклонилась и поздоровалась по-английски, женщина тоже поклонилась, но было ясно, что английским она не владеет. Тем не менее она благожелательно улыбнулась и, обернувшись в дом, позвала кого-то ласковым негромким голосом. Из-под одеяла показался заспанный мальчуган лет двенадцати, худенький, загорелый, и удивленно уставился на прибывших яркими черными глазами.

Мок, так звали мальчика, немного говорил по-английски, с его помощью Ползуновым удалось выяснить у хозяйки, где они находятся, где есть ближайший магазин, и даже купить себе нехитрый завтрак.

Вернее, выменять. Деньги брать она категорически отказалась. Запах как-то незаметно потерял свою остроту, и Ползуновы спокойно пили чай и ели яичницу в непосредственной близости от хрюшек. Госпожа Сонг пожертвовала Юле свою новую расческу, которую торжественно извлекла из шкапулки, стоявшей в дальнем углу комнаты, прикрытой от посторонних глаз холщовой тряпицей.

Таким образом, гостям удалось умыться в маленьком прудике за домом, причесаться и позавтракать. Детишки ни на шаг от них не отходили, видимо, считая невероятной диковиной, вроде дрессированного медведя.

Когда все возможные блага от семьи Сонг Ползуновыми были получены и они собрались в дорогу, Юля захотела отблагодарить щедрых искренних людей и долго потом жалела, что не проявила достаточной настойчивости, когда пыталась вручить хозяйке деньги.

Глава 4

Следующий поселок оказался скоплением таких же жалких нищих домишек, как и домик госпожи Сонг. Юля с Василием порулили на главную улицу оставшегося для них навсегда безымянным поселка, нашли лавку, торгующую одеждой, и, положив на прилавок перед хозяином десять долларов, потребовали умыться, почистить зубы и бутылку питьевой воды. Надо отдать должное крепости нервной системы этого достойного коммерсанта, дважды испытывавшего шок за столь короткий отрезок времени и не утратившего самообладания. Первый шок он испытал, увидев и обоняв посетителей на своем пороге, ибо после общения с хрюшками их и без того жалкий вид стал и вовсе вызывающим. Второй шок он испытал при виде невероятной суммы в десять долларов. Он так долго рассматривал купюру, нюхал ее и тер, что Юля с Василием и сами начали сомневаться в ее подлинности. Наконец, подняв ее над головой, хозяин издал дикий пронзительный вой, на который сбежалось человек пятнадцать его домочадцев, в том числе и похожий на живую мумию прародитель семейства, выглядел он, во всяком случае, ровесником египетских пирамид.

Прокричав что-то своим родственникам, хозяин выстроил их в ряд, после чего они дружно поклонились, выразив готовность служить и повиноваться, конечно, за наличный расчет.

Спустя полчаса Юля вышла на улицу, избавившись, наконец, от едкого запаха камбоджийского навоза, причесанная, одетая в простую, но чистую, новую и целую одежду. Обутая в простые тряпочные тапочки на резиновой подошве, с холщовой авоськой под мышкой, в которой лежали две смены их с Василием белья, пара запасных футболок вьетнамского производства, Юлин клатч с бриллиантами и новая расческа. «Рено» стоял за углом вымытый и свежий, как и его хозяева. Пока Василий оплачивал покупки и принимал заверения в вечной дружбе и глубоком уважении от вновь выстроившегося в шеренгу семейства, Юля не спеша осматривала улицу.

Они прибыли спустя две минуты. Черный тонированный «Опель», ровесник приобретенного Ползуновыми «Рено», остановился чуть дальше по улице. Двое крепких по кхмерским понятиям парней вышли из машины и потянулись, разминая затекшие в дороге члены. Поскольку смотреть больше было не на что, Юля стала смотреть на них, прислонившись плечом к чахламу раскидистому деревцу, росшему возле одежной лавки.

Парни огляделись и неспешно двинулись к сидевшей возле лотков с овощами женщине, вяло отгонявшей мух от своего товара. Подойдя, они стали расспрашивать о чем-то торговку, активно жестикулируя, они так ярко живописали парочку, которую разыскивали, что даже Юля поняла, кто им нужен. Здоровый толстый мужик и тетка среднего роста с белыми волосами, грязные и вонючие, а еще европейцы! Молодцы, с такими талантами им в театре пантомимы можно выступать. Ее мирные размышления прервал быстрый взгляд, брошенный через плечо одним из парней. Его черные колючие глаза подцепили Юлю, словно вилка отбивную. Ей жутко захотелось вырваться, но он сам отвел глаза, и Юля в ту же секунду кинулась к машине. Она знала, что ключи торчат в зажигании.

Парни бежали к ней, она – к машине, а когда Юля уже села за руль, они с руганью бросились обратно к своему «Опелю».

– Скорее! – подгоняла себя Юля, трогаясь с места.

Василий неторопливо выплыл из магазина, облаченный в трещащие по швам желтые трикотажные штаны в веселенький синий цветочек, эффектно обтянувшие его мощные ляжки, и в тесную красную футболку с Микки-Маусом. Вызывающий наряд был единственным, в который Василий смог втиснуть свою упитанную тушку, ибо местное население отличалось чрез-

вычайной стройностью, не сказать худобой, а ассортимент магазина не предусматривал визитов борцов сумо. Ползунов встал на пороге магазина, пытаясь запихать в рот целый «сникерс». Вой Юлиного клаксона чуть не привел к катастрофе. «Сникерс» застрял на полдороге. И Василий выплюнул его на землю, он уже собрался высказать жене все наболевшее, но ее бледное лицо и безумные глаза помогли Василию мобилизоваться, и он просто вскочил в машину, не задавая глупых вопросов.

Юля врезала по газам и, резко вывернув руль, понеслась по улице. Ее первым порывом было нестись прочь от преследователей, улепетывать от них во весь дух. Но когда Василий прыгнул в машину, Юлины планы поменялись.

Две гончих, взявших след, уже развернули машину и неслись к ним. Наверное, в каждом русском человеке сидит эта дурость, просто в ком-то она прячется глубже. Во всяком случае, в Юле это всколыхнулось неожиданно, и остановиться она уже не могла.

Закусив губу, Юля покрепче вцепилась в руль и, глядя в лицо своим врагам, направила машину прямо на них. На таран.

Василий, поняв, что она собирается делать, заорал дурным голосом, пытаясь отобрать у жены руль. Не тут-то было. Остановить Юлю было уже невозможно. И люди в другой машине это поняли. Она врезала Ползунову локтем по лбу, чтоб не мешал, и в следующую секунду, когда лобовой удар был неизбежен, черный «Опель» с визгом, грохотом и криками влетел в ближайший дом, обдирая обшивку о ствол высокой старой пальмы. Юля с Василием пронеслись по улице и через минуту уже скакали по ухабам проселочной дороги.

– Уф. Живу с тобой уже три года, а все никак не привыкну, что женился на сумасшедшей! – выдохнул Василий, утирая капавший со лба пот. – Ты ведь и вправду решила не сворачивать?

– Да. Если бы я блефовала, это бы не сработало, – успокоила его любящая супруга.

– А если бы они не сдрейфили в последний момент? – задал резонный вопрос Василий.

– Ну, если бы не сдрейфили, значит, как говорят японцы, их «ки» сильнее моей, – развела руками Юля.

– Чокнутая! – коротко резюмировал муж.

К счастью, и те это поняли. И главное – вовремя.

Глава 5

– А кто это были? – спросил Василий минут через пять, когда его организм окончательно пришел в себя.

– Не знаю. Сама сижу думаю, – хмуро ответила Юля, объезжая очередную колдобину.

– Наверняка полицейские в штатском, – угрюмо предположил Василий. – Быстро они на след попали.

– Я не много видела в Камбодже полицейских, в основном постовых на улицах и охранников при входе в правительственные здания, и еще один раз, издали, полицейский участок, но что-то в этих парнях не соответствует образу полицейского. На местных копов они не похожи, а предположение, что из Пномпеня за тобой отправили погоню из-за убийства иностранного бизнесмена, кажется мне несостоятельным.

– Он был не простым бизнесменом. У него были крупные контракты с местными компаниями и связи в правительстве.

– Связи у него имелись, пока он был жив. Не думаешь же ты, что он хлопотал за себя с того света?

– Нет. Но за него могли похлопотать его партнеры.

– Зачем? Отомстить за павшего товарища? Бред. Если только речь идет об обычных деловых партнерах. Им выгоднее найти новые контакты и продолжить выгодное сотрудничество, чем устраивать вендетту. Его семейство сейчас где?

– В России, насколько я знаю. Какому нормальному человеку захочется в эту дыру тащиться? Ну, кроме тебя, конечно.

– Во-первых, это не дыра, а древнее государство с богатым историческим и культурным наследием, а во-вторых, смотря кого считать нормальным. Если твоих бывших жен, «моделей», которых ты в стриптиз-клубах подбирал, то я предпочитаю быть ненормальной. – Юля гордо вскинула голову, вогнав Василия в краску и заставив его с помощью этого нехитрого приема извиняться и петь ей дифирамбы. – Ну ладно, – смилостивилась Юля, чувствуя, что запас его подхалимажа и раскаяния подходит к концу. – Значит, вдова хлопотать за него не может. К тому же это была не полицейская машина, да и одеты они слишком уж хорошо для полицейских.

– Я их совсем не разглядел, но, по-моему, они были одеты совершенно обыкновенно. Один в джинсах, другой в брюках.

– Это были фирменные дорогие джинсы, да и брюки тоже, не говоря уже об обуви. Простые кхмеры так не одеваются.

– Откуда ты-то знаешь? – скептически усмехнулся Ползунов.

– Это ты у нас в высших сферах вращаешься, а я ближе к земле. Музеи, пешие прогулки по городу, храмы, пагоды.

– Бутики и рынки, – ехидно продолжил Ползунов.

– Не без этого, – подтвердила Юля, глупо отрицать очевидное, руля по рыжей размытой дождями дороге. – И все же, если это не полицейские, то кто?

– Значит, их послали люди, чей бизнес пострадал от смерти Стрельцова. Хотят со мной поквитаться, – спокойно рассудил Василий.

– То есть бандиты? – уточнила Юля.

– Скорее всего.

– Чудненько. – В ней могучей волной стало подниматься раздражение, плавно, но стремительно перерастая в злобу. Этот старый дурак мало того что вляпался в дело об убийстве, так теперь за ними еще и местная мафия будет гоняться!

– Они нас убить хотят? – Юля решила расставить все точки над «i».

– Ну да, а ты думала – пальчиком погрозить?

– Я думала, идиот ты безмозглый, что не надо было тебе в принципе сюда ехать, во-первых, во-вторых – ссориться публично со Стрельцовым, а в-третьих – бегать, как заяц, от полиции. А нужно было включить вовремя мозги и укрыться в консульстве до тех пор, пока преступника не найдут. – А про себя подумала, что, вероятно, зря она отговорила этого старого олуха от бегства самолетом, вполне возможно, что они и успели бы проскочить, пока полиция оформляла ордер на арест.

– Ты хоть дорогу выяснил? Туда мы едем?

– Выяснил.

– Ну? – зло переспросила Юля.

– Не знаю. Сказали, надо до города какого-то доехать, а там снова спросить.

– Ну? – Он что, издевается, она каждое слово должна из него клещами тащить?

– Что «ну»? – разозлился Василий.

– Город как называется?

– Не помню!

– А на бумажке нельзя было написать?

– Они и написали. Вот, – и муж сунул ей бумажку.

Юля посмотрела на бумажку, потом на Василия. Ползунов так же выразительно посмотрел на жену. После чего Юля молча скомкала и выбросила ее в окошко. На бумажке было нацарапано несколько замысловатых изящных закорючек.

Следующие полчаса они ехали молча, в жутком раздражении друг на друга.

Постепенно Юлины мысли переключились с Василия на преследователей. Как быстро они их нашли! Бандитам надо было выяснить, на чем они сбежали, а ведь это можно было сделать, лишь найдя владельца «Рено». Пномпень, конечно, не такой большой, как Москва, но все же и не деревня. Так как им это удалось? И не сможет ли то же самое повторить полиция? А может, их уже поджидают на каком-нибудь полицейском посту?

Так как же они нас нашли? Юлино настроение заметно улучшилось. Мозговая деятельность всегда ее бодрила. Так, повара видели, как мы удирали в мусорном фургоне. Найти его – раз плюнуть. Водитель фургона мог видеть, как мы из него вылезли. Или описать маршрут следования, и, пройдя по нему, они без труда нашли свидетелей, видевших колоритную парочку. Смешно надеяться, что наше появление на улице не оставило яркий след в памяти немногочисленных свидетелей. Выстраивая логическую цепь, Юля объезжала старательно колдобины. Спустя какое-то время преследователи вполне могли выйти на продавца машины, а мы, два клоуна в бегах, спрашивали у него дорогу на Таиланд! Боже! Ну почему мы опять вляпались в очередную дурацкую историю? Ну почему все нормальные люди в такой ситуации нанимают адвокатов, или дают взятки, или делают еще что-то умное, а мы, подравшись с поварами, сбегает в мусорном фургоне, мечемся по улицам как воплощенное безумие, а потом, купив машину у первого встречного проходимца, выкладываем ему все наши планы? И, восхищаясь собственной предприимчивостью, удивляемся, как это нас нашли?!

Нет. Пора братья за ум. Во-первых, надо по-умному избавиться от машины, во-вторых, в деталях продумать, как мы будем покидать страну, мы потеряли кучу времени, позволив простодушным крестьянам втянуть нас в совершенно идиотскую историю, впрочем, вполне в духе нашего семейства.

Дождь сегодня, к великой радости, еще не начинался, и Юля могла наслаждаться окрестными видами на тех участках дороги, где ямы и колдобины не поражали глаз глубиной и размерами.

Дивные пейзажи рисовых полей, ядовито-зеленая листва роц, скалы, речушки, стайки обезьян, копошащихся в густых кронах деревьев, радовали глаз. Маленькие буддийские храмы, высеченные в скалах изображения богов, изъеденные дождями и ветром и от этого еще более

загадочные и необычные, будоражили ее ум и развлекали в пути. И даже постоянная опасность подорваться на одной из шести миллионов наземных мин, которые так и остались лежать по всей стране после окончания гражданской войны, ничуть не испортила настроение. Поскольку из машины выходить Юля категорически не собиралась до самого прибытия на место. Не хватало еще без головы остаться, в самом прямом смысле слова. Погони видно не было, и настроение ее неуклонно поднималось.

Юля составила план действий на ближайшее будущее, предусмотрела возможные трудности и способы их преодоления и осталась собою очень довольна. В пути ей то и дело встречались группы бесстрашных крестьян в конусовидных соломенных шляпах, обрабатывающих рисовые поля и даже отчаянно ковыряющих землю мотыгами. Отважные люди! За неделю, проведенную ею в Камбодже, Юля видела больше безруких и безногих людей, чем за всю свою прошлую жизнь. Это были случайные жертвы мин. Никто из жителей не застрахован от встречи с этими ужасными памятниками войны. О том, что одна из мин может сейчас оказаться у нее под колесами, скрытая мутной грязью, Юля старалась не думать.

В пути то и дело попадались маленькие деревушки, ужасающие царящей там нищетой. Домики на сваях были больше похожи на курятники, хлипкие сооружения из бамбуковых палочек, залатанные кусками фанеры, тростником или картоном, – точные копии дома семейства Сонг. В домах совершенно не было мебели, вход вместо двери закрывали обычные циновки. Между сваями, как правило, копошилась хозяйская живность, возились в грязи куры и тощие поросята. Рядом с домами всегда был или прудик, или маленькое болотце. Когда-то давно Юля видела по телевизору передачу про Камбоджу, и ведущий рассказывал, что местные жители используют такие водоемы как холодильник, поскольку электричество в сельской местности, как правило, отсутствует. Выловленную в реке рыбу, которую не готовят сразу, выпускают в такой прудик в сетке или в клетке из проволоки, и там она спокойно ждет своего часа.

Иногда встречались велосипедисты с прикрепленными к велосипеду тележками, они перевозили самые разнообразные грузы, от хозяйственных покупок до животных и членов собственных семей. Несколько раз Юля обгоняла машины, все они были порядком пожившими на свете развалюхами, и все они везли груз, явно превышающий их возможности. Местные жители с присущей беднякам фантазией и изобретательностью сооружали на крышах обычных легковых машин огромные багажники или кузова, в которых перевозили невероятное количество грузов. Одна такая машина перевозила целое семейство со всем его скарбом. На крыше были навалены матрасы, кастрюли, велосипеды, куры, две козы, тюки с одеялами, трое детей, корзины с едой, женщина с грудным младенцем, дедушка с котом, бабушка с корзинкой яиц, старенький телевизор, подросток с поросенком и фикус в кадке.

Каким образом эта пирамида удерживала равновесие на местных колдобинах, для Юли навсегда осталось загадкой.

Глава 6

Лыэнг Тьяу был дураком. Нет. Он не обижался. А что обижаться на правду? Таким уж он родился. Таким он был в детстве, таким остался, когда вырос. Ничего у него толком не получалось. Что ему ни поручи – получалась одно сплошное недоразумение. И это еще в лучшем случае.

Поручит ему отец свиней пасти – он их в болото загонит. Поручит мать развести огонь, а у Лыэнга уж и штаны горят. Пойдет рыбу ловить – в реку упадет и едва не утонет. Как при таком счастье он умудрился дожить до двадцати семи лет, оставалось только гадать.

И старик-отец – человек бедный, но не глупый, умирая, посоветовал ему отправиться в город, в городе легче найти себе занятие, если ты ничего толком не умеешь. И Лыэнг нашел. Он стал членом бандитской группировки. Звучало очень важно и красиво. Опять-таки уважение. Лыэнг очень собой гордился. Увы, недолго.

За те восемь лет, что он работал на могущественного Криель Тхатя, он так и не продвинулся по карьерной лестнице, оставаясь рядовым бойцом. Неудачи преследовали его. Какое бы дело ни поручили Лыэнгу, он вечно попадал в глупые истории. Если его посылали проучить мелкого лавочника, он делал это от души, но после выяснялось, что он перепутал торговца овощами с торговцем хозяйственной лавки. Если ему велели стоять на стреме, он стоял там так самоотверженно, что полицейская облава могла спокойно обойти Лыэнга метрах в пятидесяти, повязать его собратьев и доставить в полицейский участок, а он все еще продолжал бдительно прикрывать доверенный ему участок, не удосуживаясь взглянуть, что там за шум в пяти шагах за углом. Если Лыэнгу велели доставить к шефу какого-то человека, он доставлял его быстро и невзирая на обстоятельства. Так, однажды он ворвался в дом к государственному чиновнику, вытащил его из-за обеденного стола и затолкал орущего возмущенного служителя министерства в машину. Эта история дорого обошлась его боссу и еще дороже ему самому. Теперь Лыэнгу не доверяли ни одного самостоятельного дела, даже самого простого, и это притом, что он с детства обучался кунг-фу у старого китайца, жившего в их деревне, и слыл хорошим бойцом. Лыэнг окончил среднюю школу, всегда был очень серьезным, очень осторожным, в отличие от остальных членов банды, хотя слово «банда» очень ему не нравилось, и он предпочитал использовать слово «семья», на итальянский манер. Он сторонился азартных игр, не употреблял наркотиков, даже самых слабых, и был очень воздержан в еде и питье. Когда все их подразделение собиралось вместе в большом рыбном ангаре и остальные парни курили, пили пиво, играли в карты или делали ставки на тотализаторе, хвастались своими победами над женщинами, он лишь отмалчивался, наблюдая за их примитивным весельем. Парни часто подшучивали над Лыэнгом, говоря, что ему надо было идти в монахи, а не в бандиты, или стать бухгалтером в сиротском приюте. Но Лыэнг, лишь молча улыбающийся на их шуточки, втайне мечтал сделать головокружительную карьеру, доказав всем, на что он способен. Лыэнг мечтал убрать в одиночку неугодного шефу главу враждебной группировки, или спасти Тхатя во время перестрелки, или предупредить о готовящемся покушении и с риском для жизни спасти шефу жизнь. Но никто не покушался на великого и ужасного Криель Тхатя. Никаких перестрелок никто не устраивал, босс властвовал мудро и безраздельно, имея высокопоставленных покровителей, связи в правительстве и даже водил дружбу с самим шефом полиции. И мечты Лыэнга оставались только мечтами.

Но вот вчера правая рука босса, хромой Нуон Сован по кличке «Мурена», он и внешне на нее смахивает, такой же скользкий и верткий и с такой же мертвой хваткой, Лыэнг его всегда побаивался, может, даже больше босса, вызвал его и толстого Сом Кдана к себе на квартиру. И, посмотрев на них так, что поджилки затряслись, дал задание. Они должны были немедленно найти и прикончить русского бизнесмена с женой, последний раз их видели вылетающими

из мусорного фургона на углу Монеретс Май Дзе Дун. Лыэнг и Сом должны были найти их и тихо от них избавиться, так, чтобы парочка выглядела жертвой уличного нападения. Об этом задании не должна была знать ни одна живая душа. И оба они в случае неудачи поплатятся своими головами. Сован не шутил. Их обезглавленные тела в случае провала вполне могли всплыть в озере, а их головы будут глотать полосатые мурены, которых хромой Сован держит в огромном аквариуме у себя в кабинете.

Лыэнг сразу понял, что это его шанс, он мысли не допускал, что не справится с этим простым делом. И хотя про толстого Кдана говорили, что он глуповат, это было неважно, потому что Лыэнг сам возглавит охоту.

И вот сейчас он стоит посреди какой-то деревни, возле разбитой машины, которую дал им Сован, и звонит этому чудовищу, чтобы сообщить, что они упустили европейцев и теперь им не на чем продолжать погоню.

Лыэнг, высокий, поджарый, с резкими чертами лица и странным ускользящим взглядом черных колючих глаз, с трепетом ждал, когда же ему ответят, и при этом трусливо надеялся, что абонент окажется вне зоны действия сети.

Нуон Сован сидел у себя в конторе, обшарпанной комнате позади небольшого ресторанчика, расположенного в самом центре Пномпеня, на одной из тихих боковых улочек, куда почти не забредали туристы. Он нервничал, а это не часто с ним бывало. Сован начал скользкую опасную игру, в случае выигрыша сулившую ему власть, влияние и еще один приз, самый главный, о котором он пока старался не думать, стыдясь признаться себе, насколько важным было для него обладание... Но, нет, он оборвал себя, не позволив додумать до конца. Сован снова и снова размышлял, не ошибся ли он, послав с таким важным поручением этих идиотов. Вчера это решение казалось ему единственно возможным. Отсутствие этих двоих никого не беспокоит, они совершенно очевидно не понадобятся Тхатю, а значит, вчерашнее недоразумение еще можно будет исправить.

Сован напрасно удивлялся изворотливости этого русского и его предприимчивости. Раз этот Ползунов смог нажать такой капитал, значит, голова у него худо-бедно работает. К тому же Россия, по слухам, тот еще рай.

Быстро он разобрался в ситуации и сделал ноги еще до прибытия полиции. По большому счету, сам Сован мог бы этим и не заниматься. Полиция с таким пустяковым делом наверняка и сама разберется. Но ему не хотелось тревожить Криеля. Стрельцов был его компаньоном. Вдруг его смерть насторожит Криеля, у него нюх, как у животного, а это в планы Сована совсем не входило. Так что придется помочь полиции найти убийцу. Если Ползунов будет в ближайшее время устранин или арестован, тогда все уладится. Оба варианта одинаково устраивали Сована.

В связи с этим Сована очень беспокоили два кретина, которых он послал на поиски не в меру верткого иностранца. Вчера ночью они позвонили ему и отчитались, что нашли человека, продавшего объекту машину, объект направился в сторону границы с Таиландом. Что ж, это было только на руку, вдали от столицы будет гораздо легче разобраться с проблемой и замести следы. Но ближе к утру они снова потеряли след, пока им не пришлось в голову проверить второстепенную, идущую в объезд дорогу. Этот Ползунов снова удивил Сована, предприняв хитрый, нестандартный ход. И вот сейчас он сидел и ждал звонка от Лыэнга, он представлялся ему менее безнадежным, чем толстый туповатый Кдан, хотя оба они друг друга стоили. Сован тяжело вздохнул. На этой печальной ноте его размышления были прерваны телефонным звонком.

– Босс? – раздался дрожащий, не предвещающий ничего хорошего голос Лыэнга.

Смуглое, некрасивое лицо Сована передернулось от сдерживаемого гнева, полные губы скривились, придав ему сходство с уродливой маской.

– Мы упустили их. Они очень опасные, мы сами чуть не погибли, машина разбита, и теперь нам не на чем их преследовать. Они отправились в Кампонгтхом, туда идет одна дорога, и свернуть им некуда. – Лыэнг говорил торопливо, словно боясь, что босс схватит его за горло раньше, чем он закончит.

Кдан стоял тут же, он раздобыл где-то плошку риса с мясной подливой и сейчас поглощал его, не переставая испуганно таращиться на Лыэнга, который цеплялся за своего напарника взглядом, будто ища у него защиты и поддержки.

Совану и впрямь хотелось свернуть шеи этим недоумкам, но заменить их было нечем, он не мог послать никого, чтобы это не стало известно Криель Тхатю. Нечеловеческим усилием воли Сован взял себя в руки и прошипел в трубку холодным, пронизывающим до костей голосом: «Завтра на рассвете я хочу иметь двух покойников. Или это будут они, или вы, выберите».

Лыэнг оторвал от уха трубку и вытер пот, струями стекавший со лба. Кдан даже перестал жевать, что говорило о крайней степени волнения.

– Если до завтра их не прикончим, он сам нас порешит, – безжизненным голосом поведал Лыэнг.

В эту минуту все честолюбивые устремления покинули несчастного неудачника, и он больше всего на свете захотел вернуться к прежнему скромному существованию, бегать у всех на побегушках, откладывая на старость скромные сбережения, навещать по воскресеньям маму и сестер, вести жизнь скучную, бесцветную, а главное – не попадать на глаза великим мира сего. Но делать было нечего, всемогущий Будда услышал горделивые мечтания никчемного честолюбца и наказал, исполнив его желания.

– Как же мы их найдем? – жалобно простонал толстощекий, похожий на испуганного хомячка Кдан.

– В дороге им некуда деться, но когда они доберутся до города... Надо срочно найти какой-то транспорт. Сколько у тебя с собой денег?

Кдан достал из кармана смятые купюры и, тщательно пересчитав, ответил: «Восемьдесят тысяч риелей и пять долларов».

– Негусто. У меня сто двадцать тысяч риелей и семь долларов. Придется выкручиваться, – усиленно хмурил высокий, бестолковый лоб Лыэнг.

– Я не хочу тратить свои деньги, – заартачился жадноватый, недалекий Кдан.

Но спустя час они уже катили по дороге в сторону Кампонгтхома, сидя на стареньком, помнящем еще французское владычество мопеде. Грязь весело разлеталась из-под колес. Мотор рокотал, как турбина авиалайнера. Из ржавой выхлопной трубы с громкими хлопками вырывались облака черного, вонючего дыма. Но это был единственный транспорт, который смогли добыть два романтика ножа и кастета, порядком облегчив свои карманы. Продать сильно пострадавший хозяйский «Опель» или обменять его они не решились, а только пристроили его на хранение хозяину разрушенной лавочки в качестве гарантии последующего возмещения нанесенных ими убытков.

Глава 7

Инспектор пномпеньской полиции Тъек Сом Аем сидел в своем маленьком душном кабинете и вытирал потный лоб большим синим платком. Когда его назначили начальником местного полицейского управления, он весь сиял от гордости, коллеги завидовали ему, да он и сам себе завидовал. Как же, на его территории проживают почти все видные, богатые и почетные граждане страны, включая премьер-министра. Какое доверие, какая ответственность, какая честь! Именно с этими чувствами он разбирал на протяжении последних семнадцати лет все поступающие к нему заявления и жалобы. В основном они сводились к мелким кражам, которые легко раскрывались, – нерадивый сторож прихватил на кухне серебряную вилку. И мелким дракам. Две горничных подрались из-за старого платья госпожи, не могли поделить, кому оно достанется. Садовник явился на работу подвыпившим и, поссорившись с дворецким, разбил последнему нос. Тихая спокойная жизнь, почет и уважение коллег и подчиненных усыпили, убаюкали некогда энергичного, проницательного, неутомимого инспектора Аема, и вот теперь, когда до пенсии ему оставалось два года, он сидит у себя в кабинете, весь мокрый от переживаний, от свалившейся на него ответственности, а самое главное, от намечающегося международного скандала.

Ну почему? За что? Он уже отвык, забыл, как это делать, да и подчиненные у него один другого краше. В самом прямом смысле слова. Красавчики с лощеными лицами, которых можно послать в приличный дом, вежливые, смазливые олухи, один из них дошел до того, что стал выщипывать брови, чтобы придать им красивую форму. Кретин, мечтает жениться на богатенькой девочке. Слоняется целыми днями по кварталу, патрулирует! И как, скажите на милость, он справится с этим делом, имея таких помощников?

Бедный старый инспектор открыл ящик такого же, как и он, старого потертого стола, который тоже давно уже мечтал о пенсии, и достал оттуда пакетик жареных кузнечиков, он каждый день покупал их по пути на службу, ему нравилось похрустеть ими, глядя на пышную зелень за окном. Инспектор не курил, очень мало пил и вообще не имел никаких вредных привычек, жареные кузнечики были его единственной слабостью, но его глупая, старая, хлопотливая жена совершенно не умела их готовить, они вечно выходили то слишком жирные, то слишком сухие.

Инспектор засунул в рот очередное насекомое и с тоской вспомнил вчерашний вечер. Его помощник, усатый рослый Лай Лам, вытащил его прямо из кровати. Он позвонил инспектору домой, когда старый служака уже видел первые сны, и истеричным визгливым голосом начал несвязно нести что-то про убийство в доме премьер-министра. Первая страшная мысль, пришедшая инспектору в голову, была та, что убили самого премьера. Но пока он дрожащими руками натягивал рубашку, спеша поскорее на место событий, старый Аем пришел к выводу, что случившееся не менее трагично и для него самого. Поскольку всем известно, какое это удовольствие – вмешиваться в дела властей предрержащих.

Дальнейшее только подтвердило эти предчувствия. Допрос, который проводил инспектор в той самой курительной на вилле, откуда уже убрали покойного, был сплошным кошмаром. Министры, советники, банкиры, иностранные дипломаты, известные бизнесмены, их жены, сверкающие брильянтами, с брезгливо поджатыми губками, ожидали в зале своей очереди, пока они с Ламом вели допрос свидетелей. Да и какой это был допрос? Они оба беспрестанно вскакивали, кланялись, извинялись, задавали дрожащими голосами глупые одинаковые вопросы, промокали потные лбы, видя раздражение и нетерпеливое желание гостей поскорее покинуть неудавшийся банкет. Сам премьер-министр неоднократно заглядывал в курительную в крайне взвинченном состоянии и бросал на инспектора сердитые взгляды, как будто это он,

Аем, убил этого проклятого русского. И что только принесло этого иностранца в нашу страну, сидел бы у себя дома, может, был бы жив, а так и ему конец, и инспектору одни неприятности.

Аем тяжело вздохнул и положил в рот последнего кузнечика. Когда великосветское общество разъехалось, они с Ламом вздохнули с облегчением и, прежде чем допрашивать обслуживающий персонал, невелики птицы, подождут, позволили себе выпить по чашечке чая с пирожными, которые им подали по указанию дворецкого. Просматривая только что составленные показания, инспектор заметил, что некоторые гости упоминали соотечественника покойного бизнесмена, с которым тот беседовал незадолго до смерти. Но сколько инспектор ни напрягался, ни просматривал список опрошенных трехсот пятидесяти гостей, никаких русских среди них не было.

Инспектор сделал заметку в блокноте и, промокнув губы салфеткой, велел запускать официантов, строго по одному. С этой публикой инспектор был строг и надменен. Глядя на входящих глазами инквизитора, отчего допрашиваемые начинали трепетать, чувствуя, что их вина уже наполовину доказана, он строго и с пристрастием допрашивал каждого, будучи уверенным в душе, что убийца наверняка будет обнаружен среди этой ненадежной мелкой шушеры. Ну в самом деле, не министра же сельского хозяйства подозревать и не английского атташе.

Но постепенно его надежды на такой удобный, устраивающий всех исход событий рухнули. Спустя час нарисовалась тревожная картина. Тот самый загадочный соотечественник не просто разговаривал с покойным, а явно ссорился с ним. Пятеро официантов, проходившие мимо курительной, отметили свойственную европейцам несдержанность агрессивных эмоций, некоторые из них, надо признать, ведут себя как существа дикари. Эти двое чуть не подрались, а спустя несколько минут после того, как загадочный гость вернулся в зал, труп был обнаружен президентом Национального банка и его индийским коллегой, с которым они хотели уединиться, дабы обсудить некие важные вопросы, неподалеку находилась супруга известного члена парламента, она-то, собственно, и подняла крик.

Дальнейшие расспросы показали, что русский господин, с непроизносимым именем Полз-уно-в, скрылся самым неприличным образом, через кухню, вместе с супругой, по пути подравшись с поварами из-за уничтоженного десерта. Скрылась подозрительная парочка на мусорном фургоне, еще до прибытия полиции.

Дело запахло международным скандалом.

Ободрившийся было инспектор снова приуныл. Предпринятые им немедленно шаги дали неутешительные результаты. Инспектор выяснил, в каком из отелей остановился сбежавший гость, выяснил, что ни он, ни супруга в отель не возвращались. Проявив невероятную расторопность, он послал в аэропорт ориентир на гражданина России и заодно справился, не вылетали ли за последние несколько часов какие-нибудь рейсы. Рейсы вылетали местные, и русских на них не было.

Значит, скорее всего, объект нашел укрытие на территории собственного посольства, и потребовать его выдачи инспектор сможет, лишь полностью доказав его вину. Потребовать выдачи! О великий Будда! Нет. Требовать, конечно, будут другие. Его дело собрать факты и доказательства. На этом инспектор Аем отпустил всех по домам, а сам с помощником отправился в участок приводить в порядок бумаги, писать отчеты и ждать звонков от начальства.

Глава 8

Старая пружина вонзилась в мясистый зад толстого Кдана, причиняя ощутимые неудобства. Он трясся по кочкам в сторону Кампонгтхома, проклиная хромого Сована, этого дурня Лыэнга, проклятых фарангу и даже, страшно сказать, самого Тхатя.

Кдан любил комфорт, сытную еду и не выносил, когда его напрягали. Он был толстым, злым и влюбленным. Это страстное чувство родилось в нем давно. Он уже сам не помнил когда. И год от года только крепло.

Кдан пылко, самозабвенно, беззаветно любил себя. И сейчас испытывал несказанные муки, чувствуя, как его нежное жирное тело подвергается глубокому непривычному стрессу. Кдан хотел домой, к маме.

Подпрыгивая на колдобинах, он чувствовал, как горькие мужские слезы катятся по его толстым, похожим на надувные матрасы щекам, он смахивал их огромными, по-детски пухлыми кулачками, недоумевая, за что мир стал так груб и несправедлив к нему. Кдан тосковал.

Все свои двадцать восемь лет он прожил с любящей хлопотливой матушкой. Отец его умер, когда Кдан был еще ребенком, и вся любовь, переполнявшая сердце этой маленькой, сухонькой женщины, обратилась на сына. У них был небольшой капитал, который достался ей от рано ушедших в мир иной родственников, позволявший им вести скромную, но достойную жизнь.

В детстве Сом был щедрым, трусоватым, изнеженным мальчиком. Мальчишки и в школе и на улице не упускали случая поколотить или задеть его, и матушка неусыпно караулила свое сокровище, возмущаясь жестокосердием маленьких негодяев, мучающих ее цыпленочка. Сокровище тоже возмущалось, оно жевало сдобную лепешку и мечтало о мести.

Время шло, и мечты становились все реальнее. Кдан подрастал, сытая, спокойная жизнь благостно сказывалась на нем, он креп год от года, превращаясь в крупного, высокого здоровяка. Теперь уже он задирал своих бывших обидчиков. Он не знал никаких хитрых приемов, но масса давала ему в драке ощутимое преимущество. Со временем окружающие стали замечать в нем неприятную, а порой и пугающую черту. В отличие от своих сверстников, он не просто дрался, он получал наслаждение, причиняя другому боль, найдя у противника слабое место, он уже не давал тому вырваться, не брезгуя самыми грязными приемами. В такие минуты счастливая, благостная улыбка расцветала на его жирном, уродливом лице, делая похожим на демона обжорства.

Его ненавидели и боялись, а со временем Кдана заметил один из людей хромого Сована, так он и попал в банду. Ему было все равно, чем заниматься в жизни. Ни целей, ни стремлений у него не было. В банде ему нравилось. Кдан получал вполне приличное содержание, вся его работа сводилась к избиванию неугодных людишек или взбунтовавшихся лавочников. Это занятие приносило ему доход, наслаждение и уважение соседей, хотя, возможно, это был просто страх. Кдан был туповат, поэтому сложных дел ему не поручали. Обычно его приводили на место и спускали с поводка, говоря «фас»; когда дело было сделано, его отрывали от жертвы и отправляли назад в машину. Приятелей в банде у него не было, садизм и тупая жестокость не вызывали симпатий даже среди этих сливок пномпеньского дна. А общих интересов у Кдана с «коллегами» не было. Мать свою, находившуюся уже в преклонных летах, он не любил, а только пользовался ее услугами, считая ее слепую любовь к собственной неотразимой особе вполне естественной и неременной. Если ей не удавалось угодить ему, что случалось все чаще, поскольку с возрастом она становилась все менее расторопной, хуже видела, больше причитала, Кдан орал на нее, подгоняя, чтобы пошевеливалась. Если еда приходилась ему не по вкусу, он просто опрокидывал стол, раздражаясь злой бранью. И все-таки он не женился, хотя мать часто заговаривала об этом, чувствуя, что скоро будет вынуждена покинуть своего

мальчика, и ей очень хотелось быть уверенной, что есть кому позаботиться о нем, постирать, приготовить, приласкать. Но Кдан не любил женщин, они раздражали его, он не понимал их и даже немного побаивался, хотя ни за что на свете не признался бы в этом ни одной живой душе. Так он и жил, тираня мать, удовлетворяя свои низменные инстинкты, мучая и избивая слабых и незащищенных, ел, спал, искренне восхищался собой.

В целом его жизнь складывалась самым замечательным образом. Пока вчера вечером он не был изгнан из родного дома звонком Сована и не послан на поиски этих иностранных идиотов.

Несчастный Кдан, вырванный из привычных условий существования и никогда ранее не покидавший родного Пномпеня, испытывал адские муки. Он плохо питался, очень устал, совсем не выспался, потому что тупой неудачник Лыэнг полночи таскал его по городу, пытаясь найти след изворотливых жертв.

Кдан считал, что профессионала такого высокого уровня, как он, надо было беспокоить лишь в последний момент, когда фарангу будут найдены, тогда он явился бы и поставил жирную, эффектную точку в этой истории.

Все неудачи предприятия он, естественно, списывал на глупого Лыэнга, и угроза Сована прикончить их обоих в случае неудачи не произвела на него особого впечатления. Ибо в его большой, не обремененной интеллектом голове просто не укладывалась мысль, что кто-то может быть недоволен его неотразимой особой.

В Кампонгтхом они прибыли под вечер, усталые и запыленные, даже молчаливый терпеливый Лыэнг еле держался на ногах, а еще предстояло искать сбежавших фарангу. Их мотоллер выдал все, что мог, и заглох посреди небольшой площади в центре города.

Кдана сей факт не опечалил. Он был сыт по горло путешествиями на голодный желудок. Не желая ничего слушать, Кдан направился к ближайшему ресторану и, усевшись за свободный столик, зычным сердитым голосом потребовал, чтобы его немедленно обслужили. Лыэнг, уставший не меньше своего товарища, а то еще и больше, поскольку все хлопоты по организации поездки выпадали именно на его долю, опустился на соседний стул и с не меньшим удовольствием предался трапезе.

Но в отличие от Кдана, он не стал долго прохлаждаться, а спустя полчаса уже был на улице и, бродя в сумерках среди закрывающихся лавочек, опрашивал усталых, спешащих домой торговцев, не попадались ли им двое европейцев, мужчина и женщина, путешествовавшие на собственной машине. Каждый раз, получая отрицательный ответ, он все больше сжимался, ибо расправа, которой пригрозил им Сован, казалась ему почти неизбежной. А что, если они проскочили Кампонгтхом не останавливаясь? – задавался он весьма неглупым вопросом, демонстрируя, что в критических ситуациях любой из нас способен проявить совершенно не свойственные ему в обычных обстоятельствах качества. Жадный человек – щедрость, трус – отвагу, а дурак – недюжинный ум. И судьба сжалилась над ним, вознаградив за настойчивость и старание.

Выйдя на очередной перекресток, Лыэнг увидел припаркованный за углом знакомый «Рено», освещенный слабым светом уличного фонаря. Облегчение, которое он испытал при виде машины, отозвалось дрожью в коленях, он опустился на тротуар, прижавшись щекой к радиатору авто, и чуть не расплакался. Лыэнг просидел так минут пятнадцать, прикрыв глаза, и слезы текли по его худым ввалившимся щекам.

Избегай внимания сильных мира сего – говорил ему старик отец, когда был жив. Но Лыэнг тогда был слишком глуп, чтобы задуматься над словами старика. А потом отец умер, но Лыэнг, будучи весьма занят устройством своей жизни и не обладая склонностью к пространственным размышлениям, не вспоминал долгих тихих бесед, которые любил вести перед сном его родитель, нищий крестьянин, ломавший всю жизнь спину на непосильной работе, не прино-

сящей семье достатка, и не имевший ничего ценного, что он мог бы завещать сыну, кроме мудрых советов.

Но вот теперь, сидя на теплой мостовой, прижавшись щекой к пыльной машине, он вдруг вспомнил отца и горько пожалел, что был так глух и невнимателен к его словам.

Далее Лыэнг развил бурную деятельность. Полный непреклонной энергии, он притащил к найденной машине упирающегося, недовольного Кдана и велел ему караулить, пригрозив в случае отлучки сдать его Совану. А сам, отобрав у приятеля все оставшиеся деньги, что тоже потребовало определенных усилий, занялся транспортным вопросом. В следующие три часа он выгодно продал их старый никчемный мопед и опять же с огромной выгодой арендовал потрепанный, но все еще исправный «Фольксваген»-«жук». Пригнав его к месту засады, он, наконец, счел возможным позвонить грозному Совану и отчитаться о проделанной работе, не забыв правильно осветить роль обоих компаньонов в проводимой операции. И только после этого он утер пот со лба и, скрючившись на заднем сиденье машины, позволил себе вполне заслуженный отдых, ибо за всю свою жизнь он не проявил больше смелivosti, здравомыслия и рассудительности, чем за прошедший день. А вернее, вечер.

Глава 9

Машину они нашли там, где бросили, целую и невредимую. Щедро вознаградив тукера за труды, Василий подхватил рюкзачок, в котором поместилось все их с Юлей имущество, и они пошли к машине.

Несмотря на раннее утро, почти все лавочки уже работали, на улице царило умеренное оживление. Погода с утра была отвратительная, всюю лил дождь, ветер трепал макушки пальм, швырял в лицо мелкие веточки и всякий мусор. Прикрываясь соломенными шляпами, которые Юля купила накануне, они подошли к машине и взялись за ручки дверей, когда появившаяся из-за пелены дождя размытая фигура выросла за спиной у Василия и нанесла ему сокрушительный удар в ухо, после которого Вася рухнул как подкошенный. Еще прежде чем муж упал, Юля резко пригнулась, повинувшись исключительно инстинкту самосохранения, и только поэтому не схлопотала такой же увесистый удар. Что-то стремительно просвистело у нее над головой, после чего нападавший, явно не ожидавший от дамы такой прыти, пошатнулся, не удержав равновесие. Эх, не знаете вы, с кем связались! Нас, Ползуновых, так просто не возьмешь! Юля с радостью отметила, что в ней уже зажегся знакомый огонь, который сулил им с Василием надежду на спасение, а преследователям – массу неприятностей.

Пока напавший на Юлю худосочный бандит не пришел в себя, она резко дернула его за рубаху вниз. Парень, совершенно не ожидавший нападения, рухнул рядом с ней, стукнувшись головой о крыло машины. Не дав ему опомниться, Юля треснула его по шее сжатыми в замок руками и, бодро вскочив на ноги, для порядка прыгнула пару раз по его позвоночнику. Будет знать, как обижать беспомощную женщину!

Второй бандит, здоровяк со зверской рожей, уже понял, что что-то идет не так, и, бросив Василия, кинулся к напарнику. Пока он обегал машину спереди, Юля обежала ее сзади. Пока здоровяк поднимал на ноги приятеля, которому явно заклинило спину, Юля поставила на ноги Василия. Теперь они стояли, разделенные авто, и недружелюбно сверлили друг друга взглядами.

Бандиты кинулись первыми, один бросился к капоту, другой к багажнику, огибая машину с двух сторон. Пострадавший от Юлиных действий мерзавец заметно приволакивал ногу. Юля с Василием, взявшись за руки, кинулись в гущу лоточников на площади, стараясь затеряться в жиденьком потоке покупателей.

Народ, почуяв заварушку, переключился со своих дел на чужие, активно подбадривая участников забега. Вместо того чтобы затруднять бандитам преследование, они расступались, образуя просеку, по которой два негодяя беспрепятственно гнались за Ползуновыми. Бандиты были моложе своих жертв лет на десять-пятнадцать, физически лучше подготовлены, и тягаться с ними Ползуновым было явно не по силам. Несколько раз они пытались нырнуть в толпу, но и торговцы, и покупатели, как по волшебству, расступались за ними. Навлекая на себя не один десяток проклятий, Юля с Василием тем не менее были вынуждены перевернуть парочку прилавков с продуктами и безделушками, ибо уже чувствовали у себя за плечами тяжелое дыхание преследователей. Соорудив эту хлипкую баррикаду, Юля с Василием, похватав валявшиеся под ногами кокосы, открыли частый беспорядочный огонь по неприятелю. Неизвестно, сколько снарядов попало в цель, но возмущенные вопли свидетельствовали о том, что в кого-то они все же попали. Камбоджийцы – народ веселый, зажигательный, так, во всяком случае, показалось Юле, когда несколько молодых парней, болтавшихся без дела на площади, с гиканьем и смехом похватали рассыпанные вокруг фрукты и включились в «европейскую» забаву. Мероприятие набирало обороты, и под шумок Ползуновы, прикрываясь прилавками, предприняли отчаянную попытку бегства. Отползая все дальше от места баталии, Ползуновы набирали все большую скорость, коленки звонко плюхали по рыжей грязи. Когда до машины

оставалось не более ста метров, а шум фруктово-овощной битвы остался в стороне, воздух над их головами разорвало хлестким звуком выстрелов. Игры закончились.

Бандиты засекли их отход и тоже выбрались из шумной толпы, причем заварушка, которую устроили Ползуновы, обернулась против них же. Все от мала до велика были вовлечены в массовое побоище, и преследователи обнаглели до того, что не побоялись открыть среди бела дня огонь. Наверное, супругов все же прикончили бы, на радость зевакам, если бы не героически настроенный тук-тукер.

Творите добро по мере сил своих, будьте щедры и приветливы, и судьба непременно вознаградит вас! Самым неожиданным образом. Давая водителю мототакси щедрые чаевые, Юля просто хотела вознаградить его терпение и помочь человеку, тяжело зарабатывающему свой хлеб. Слава небесам, что он не уехал!

Увидев, что его недавним пассажирам грозит безвременная кончина, он, издав боевой вопль, направил свой мопед на целящихся в Юлю с Василием бандитов, и пока Ползуновы, петляя, как зайцы, неслись к своему «Рено», скромный камбоджийский тук-тукер на полном ходу врезался в их обидчиков. Здоровяк с противной туповатой мордой, на которого пришелся основной удар мопеда, рухнул в грязь, увлекая за собою приятеля. Тук-тукер, закрепляя успех, проехался по ним мопедом с коляской, при этом Юля успела увидеть, как широкое колесо переехало спину несчастного бандита, по которой она попрыгала полчаса назад. Если так пойдет и дальше, беднягу ждет паралич.

Отважный поступок тук-тукера дал Ползуновым возможность домчаться до машины, и когда, захлопнув дверцы, они дали по газам, перемазанные уличной грязью бандиты только-только начали подниматься на ноги, стеная и охая. Но, увидев стартующий с места «Рено», худощавый бандит с пострадавшим позвоночником совершил невероятный рывок, прыгнул на набирающую скорость машину и прицепился намертво к капоту, словно муха к потолку. Василий стал бросать машину то вправо, то влево, пытаясь избавиться от лишнего пассажира. Не тут-то было. «Муха» держалась как приклеенная. Позади, за серыми струями дождя, показался оранжевый «жук» с толстяком за рулем. «Обложили!» – пронеслась в голове у Юли мысль.

Тем временем освоившийся на занятой позиции худой бандит стал предпринимать попытки вскарабкаться на кабину, а далее проникнуть в салон «Рено». Надо что-то делать!

Оружия у них не было. Вот дура! Надо было хоть нож купить, корила себя за легкомыслие госпожа Ползунова, беспомощно озираясь по сторонам. В бессмысленных попытках найти хоть что-то она открыла бардачок и порылась в его темных глубинах. Помимо мятых бумажек и фантиков, под руку попало что-то твердое и длинное. Выудив это на свет божий, Юля увидела обычную отвертку. Это было уже что-то.

Василий продолжал кидать авто от обочины к обочине, а бандит уже ухватился за крышу машины и подтягивался вверх, уперевшись одной ногой в капот, а другой в правое боковое зеркало.

– Ага! Попался, голубчик! – Открыв окно, Юля без всякой жалости вонзила крестовую отвертку в ногу непрошеного гостя.

Бандит заорал дурным голосом и, отпустив крышу, вцепившись обеими руками в пострадавшую ногу, кубарем слетел на дорогу.

– Если он переживет знакомство с нами, то дотянет до глубокой старости, – прокомментировала Юля, глядя, как «жук», резко вильнув в сторону, угодил в канаву, едва не переехав растянувшегося на дороге хмыря с раненой ногой. Так им и надо.

Они с Василием издали победный клич и поддали газа.

– Куда рулить? – все еще в пылу погони прокричал Василий.

– Понятия не имею! – так же громко прокричала Юля.

– Так открой карту и посмотри, или ты еще один день хочешь по улицам покрутиться? – сразу остыв и рассердившись, приказал муж.

Пока она пыталась сориентироваться на местности, Василий прилагал все силы, чтобы их не прижали в темном переулке, не обогнали, не сбросили с дороги.

Проклятье! Эти живучие кхмеры просто в воде не горят и в огне не тонут! Знакомый оранжевый «жук» снова повис у них на хвосте. Машину кидало из стороны в сторону, тормоза визжали, мотор дребезжал, карта то и дело вываливалась у Юли из рук. Красная грязь летела из-под колес, обдавая прохожих фонтанами брызг.

С маршрутом она так и не разобралась, Василий сам каким-то чудом выскочил из города. И вполне вероятно, даже в нужном направлении, удостовериться в этом не было никакой возможности, на хвосте висели бандиты.

Впрочем, это была не единственная помеха, за те минут сорок, что они петляли по улочкам, ветер набрал такую силу, что струи ливня уже не падали на дорогу, а неслись параллельно ей. Машину нешуточно трясло от порывов ураганного ветра, вода заливала лобовое стекло, а Ползуновы стремились вперед наперекор стихии.

– Ох, не нравится мне это, – дернула Юля мужа за рукав, показывая на образовавшуюся на полу машины лужу.

– Не дрейфь, вода теплая, не простудишься, – отмахнулся супруг, силясь разглядеть дорогу за плотной стеной дождя. Дворники уже давно не справлялись с потоками воды.

Рыжий «жук» скрылся из виду, было непонятно, повернул ли он назад или продолжает преследование. В любом случае Юле было уже не до него.

Беда нагрянула неожиданно. Вернее, неожиданно для них с Василием. Местных жителей, конечно, предупредили о надвигающемся тайфуне, но два русских простофили, которые забрались в самую глушь Королевства Камбоджа, ни сном ни духом не догадывались, что дождь, перешедший в ливень, и ураганный ветер – это не просто скверная погода, а предвестники стихийных бедствий. Не зная кхмерского, а потому не понимая, что так усердно советует населению правительство, о чем предупреждают по телевизору дикторы, Ползуновы после плотного завтрака вышли из отеля, сели в тук-тук и поехали навстречу новым неприятностям.

Глава 10

Чем больше они отдалялись от города, тем сильнее лил дождь. Щетки не справлялись с потоками воды, стекла запотели, мотор тарахтел так натужно, что порой казалось, вот-вот испустит дух.

– Да что ж за хрень такая! – бесился Василий. – Ничего не видно! Мы хоть на дороге?

– А я откуда знаю? Я тебе еще полчаса назад говорила – поворачивай, – переругивались они спустя час.

– Я что, ради собственного удовольствия тащусь в эту глушь? Между прочим, я бы ни в жизнь не угодил в эту дурацкую историю, если бы не вы! Это ваше светлое безбедное будущее я обеспечиваю, вкалывая с утра до ночи! – рычал Василий, уткнувшись носом в лобовое стекло.

– До знакомства с нами ты жил точно так же. И к тому же нам столько не надо. Мы люди скромные. – До своего замужества с олигархом Василием Никаноровичем Ползуновым Юля с детьми жила обычной жизнью миллионов своих сограждан и считала себя вполне счастливыми. Жажда брильянтов размером с куриное яйцо и яхт, как у Абрамовича, не овладела их душами, и Юля надеялась, не овладеет и впредь. Двое ее отпрысков искренне полюбили Василия, и вовсе не за деньги, хотя отчим их жутко балует, особенно Веронику. И все равно, учась в престижном английском университете, она не собирается сидеть всю жизнь на чужой шее, а активно строит свое будущее, мечтая об успешной карьере. Денис оканчивает школу и тоже не собирается прожигать жизнь на модных тусовках, такая среда Юлиным детям просто неинтересна. Что касается собственных Васиных детей, то этот вопрос они больше не затрагивали, после того что случилось несколько лет назад, во время совместного отдыха, когда милые детки чуть не отправили на тот свет любимого папочку и Юлю с Никой и Денисом заодно.

А стоны мужа – это скорее привычка скинуть вину за собственную глупость и упрямство на любимую супругу, та все выдержит. Одна из типичнейших мужских черт, практически неискоренимая. Бороться с нею бессмысленно, себе дороже. Поэтому, увидев, как наливаются свекольной краснотой лицо мужа, Юля предпочла закрыть рот и считать капельки на стекле, не мешая ему вопить в свое удовольствие.

Дождь лил, пальмы гнулись под порывами ветра, машина еле ползла, Василий продолжал ругаться, ветер ревел так, что едва не перекрывал рев господина Ползунова. Юля считала капельки. Постепенно она стала ощущать некий дискомфорт. Взглянув вниз, под ноги, она вскрикнула от удивления. Вода поднялась до середины икры! Как только Василий умудрялся жать на педали, этого не чувствуя?

– Василий! Нас заливает! Немедленно поворачивай! Я боюсь! – накинулась она на мужа.

– Да я и сам хочу повернуть! – страхнул он с плеча ее руку. – Но поток не дает! Против течения не повернуть, а по течению, боюсь, смоет!

Здорово! Допрыгались!

Сидя в полуразвалившемся от времени и нещадной эксплуатации ведре, некогда бывшем «Рено Меган», Юля, потев от напряжения, вспоминала все, что когда-либо слышала о природных катаклизмах в данном регионе.

– Я надеюсь, ты знаешь, что делать? – беря себя в руки, спросила она дорогого супруга.

– Попробуем добраться до ближайшей деревни и там остановимся. Авось за бабки кто-нибудь приютит.

Юле вспомнились те убогие, прячущиеся в зарослях деревеньки, которые она смогла разглядеть, сидя за рулем по дороге в Кампонгтхом. Хлипкие, похожие на сарайчики, дома, вызывающая бедность. Если их машина ходит ходуном под порывами ветра, то дома крестьян наверняка трещат по швам от напора стихии.

– Знаешь, Вась, за последнее время на этот регион обрушилось несколько очень сильных разрушительных тайфунов, – стараясь не поддаваться панике, произнесла Юля.

– Да брось ты. Тайфун – он неожиданно налетает, а этот ветер с дождем уже почти сутки не проходит, – беспечно отмахнулся муж.

– А ты вообще знаешь, что такое тайфун? – на всякий случай решила удостовериться Юля.

– Ты что, меня за дурака держишь? Ураган это, вот что. И вообще успокойся, вон, кажется, деревня какая-то, – показал муж на расплывчатый силуэт за окном.

Действительно, темное размытое пятно напоминало дом. Оно медленно приближалось к ним, когда же они поравнялись, стало понятно, что это вовсе не деревня, а только дом, ПЛЫВУЩИЙ ИМ НАВСТРЕЧУ!

Проплывая мимо, он слегка тюкнул машину по правому борту и исчез за стеной дождя.

– Мы влипли, – констатировала Юля и без того очевидный факт.

Вода уже стояла в машине, доставая им до колена. Ветер все усиливался. У Юли на глазах огромная пальма, росшая на обочине, переломилась пополам, и ее, как пушинку, унесло в мутную дождевую даль. Василий мужественно пытался вести машину. Но вскоре стало понятно, что сцепление с почвой окончательно потеряно, и они понеслись в неведомом направлении, влекомые разбушевавшейся стихией.

– Василий, где твои документы?

– В кармане рубашки, а что?

– Переложи их в карман брюк и застегни на молнию или на пуговицу. У тебя есть такой карман?

– Зачем? – недовольно спросил муж.

– Затем, что, если нас выкинет из машины, лучше, чтобы документы у нас были при себе. Я предпочитаю готовиться к худшему, – ответила Юля, засовывая паспорт в карман ветровки и застегивая его на молнию. Куртку она тоже застегнула, чтобы ее из нее не вытряхнуло. Деньги распихала по карманам штанов как можно глубже. Взяла с заднего сиденья маленький кожаный рюкзачок, в котором везла пару сменного белья, их с Василием запасные носки и свои украшения, выложила все на колени, украшения надела на себя, в случае нужды можно будет менять на хлеб. Белье и носки выбрасываем, а бутылку с водой, которую они с Василием прихватили в дорогу, выезжая из отеля, кладем обратно. Бутылка была большая и наполовину торчала из рюкзачка. Обмотав вокруг нее кожаные шнурки, Юля затянула их покрепче и завязала двойным узлом, а затем надела рюкзак себе на плечи.

– А это еще зачем? – вздохнул муж, всем видом показывая, что она спятила.

– Пострадавшие от наводнения районы, как правило, страдают от недостатка питьевой воды, поскольку все колодцы бывают затоплены, забиты илом, залиты разлившейся канализацией.

– Откуда здесь канализация? Мы в глуши! Кругом деревни.

– И что? Тут отхожих ям нет?

Они раздражались все больше. Юлю бесили его бездействие и легкомысленное отношение к грозившей им опасности, Василия – ее суета и бредовые идеи. Супруги дружно огрызались, припоминая друг другу все прошлые прегрешения, совершенно забыв о бушующей за окном стихии. В чувство их привел резкий толчок. Машина со всего маху налетела на ствол пальмы. Железо погнулось, обнимая крепкое дерево.

Удар был неожиданный. Юля сперва завалилась на мужа, а потом их обоих отбросило обратно, и эта здоровенная туша, ее супруг, буквально впечатал свою хрупкую половину в погнутый борт.

Василий, приняв нормальную позу и оглядев покореженный металл, наконец-то признал всю серьезность положения, тем более что мимо пронеслась парочка очумело орущих коз, одна

из них, пролетая, на мгновение впились в них обезумевшими от страха глазами и умчалась в неведомое.

– Так что там надо делать во время тайфуна? – озабоченно спросил Юлю присмиривший муж.

– Не знаю.

– Как? Ты же только что говорила про воду!

– Я говорила про наводнение, – повела Юля рукой в сторону окна. – А про тайфуны я вообще ничего не знаю. У нас в средней полосе России их не бывает, – раздраженно ответила она. «Вот всегда так. Как командовать – так он, а как последствия разгребать, так я». – У Джека Лондона, когда на Гавайские острова, или куда-то рядом, налетал тайфун, кажется, привязывались к пальмам, чтобы не унесло. Но их все равно уносило, потому что пальмы ломались и их уносило вместе с пальмами.

– И что делать?

– Понятия не имею, – буркнула Юля, стараясь не поддаться панике. А было от чего.

Едва они признали ситуацию критической, на машину обрушился новый удар. Что-то налетело на их покореженный «Рено». Раздался скрежет железа, пронзительный скрип, и все успокоилось. Только жизненное пространство уменьшилось еще сантиметров на десять. Открыв зажмуренные от страха глаза, Юля с ужасом увидела прижавшийся к ним багажником знакомый «жук».

Глава 11

Сарин Питу, подтянутый и энергичный, открыл дверь полицейского участка, ощущая себя полковником, вступающим в битву.

Сегодня утром его, молодого, подающего большие надежды инспектора особого отдела Центрального управления полиции, вызвали к руководству и с подобающими случаю намеками на важность и исключительность порученного дела назначили вести расследование, наделив особыми полномочиями, и даже предлагали возглавить участок инспектора Аема, отправив последнего на пенсию.

Питу отказался, прикинув, что, приняв это предложение, обречет себя на вечное прозябание и профессиональную деградацию, занимаясь остаток жизни поисками золотых пудрениц и серебряных ложек. Нет, не таковы были амбиции молодого инспектора. В случае успешного расследования он вполне мог претендовать на серьезное повышение, отдельный кабинет в центральном офисе и статус специалиста по особо сложным и государственно значимым делам. К тому же, пройдя стажировку во Франции, он считал себя тонким знатоком западной цивилизации, о чем и не преминул скромно напомнить начальству.

Но сейчас, входя в кабинет старшего инспектора Аема, Сарин отбросил ненужные эмоции и поздоровался со старшим коллегой с подобающим уважением. Участок и его новые подчиненные вполне соответствовали ожиданиям Сарина. Когда он переступил порог своего временного штаба, то сразу отметил ленивые, праздные лица сидящих за пустыми столами полицейских. Вместо того чтобы мобилизоваться и предпринять хоть какие-то шаги, направленные на поиски преступника, все отделение в полном составе бездействовало, охваченное умственным параличом, во главе со старым, лысеющим командиром.

Ну что ж, тем значимей и эффективней будет его вмешательство.

Инспектор Аем встрепенулся, подняв красные усталые глаза на входящего в кабинет энергичной поступью гостя.

Его уже предупредили о высланной из центрального управления подмоге, и, стыдно признаться, он малодушно обрадовался возможности сложить с себя груз ответственности, махнув рукой на славу и возможность выслужиться перед начальством. Не до того, не погнались бы с места – и на том спасибо.

Инспектор Питу ему понравился: высокий, подтянутый, с серьезным взглядом умных, слегка прищуренных глаз. В кабинет вошел уважительно, без излишнего апломба и самоуверенности. Даст бог, с таким помощником все еще и уладится, вздохнул инспектор, вставая навстречу коллеге.

Спустя час, когда все протоколы и отчеты были изучены самым внимательным и серьезным образом, инспектор Питу выпрямился на стуле и устремил свои умные и серьезные глаза на старого олуха, жующего жареных кузнечиков за столом напротив. Ради инспектора Питу в начальственный кабинет был внесен еще один рабочий стол.

– Гм, – прочистил горло Сарин, желая привлечь к себе внимание коллеги. – Инспектор, я ознакомился со всеми документами, и теперь мне хочется услышать ваше мнение о происшествии и версии, которые вы и ваши люди приняли к разработке.

Инспектор Аем удивленно воззрился на гостя.

– Да какие могут быть версии? Один русский убил другого, после чего скрылся с места преступления. В отель он не возвращался, в аэропорту и на вокзале его не видели. Наверное, укрылся в посольстве.

– Это ваше предположение или вы уверены в его местопребывании?

– Правительственные ноты и международные сношения – дело высших сфер, – поднял смиренные глаза к потолку старый Аем, – наше дело составить рапорт и ждать указаний от

начальства. – Тяжелый вздох красноречиво продемонстрировал настроение, царившее в душе старого служаки.

– Думаю, такой простой вопрос можно выяснить и без высших сфер, – сухо ответил Сарин Питу, берясь за черную трубку старого, выдавшего виды телефонного аппарата. – Сахатывым Сенг? – спросил он спустя пару секунд. – Инспектор Питу. Послушайте, кажется, у вас был свой человек среди сотрудников российского посольства? Садовник? Прекрасно. Не мог бы ваш человек аккуратно выяснить, не появился ли за последние сутки на территории гость, возможно, двое? – Лицо и голос Сарина были исполнены сладкого дружелюбия. – Прекрасно. Буду с нетерпением ждать вашего звонка. Ну вот. Минут через двадцать мы будем точно знать, укрылся ваш подозреваемый в посольстве или нет. Хотя должен заметить, – чуть более мягким тоном продолжил предприимчивый инспектор, – что было бы куда проще еще в ночь убийства опросить дежурившего перед входом в посольство постового.

Инспектор Аем выглядел настолько ошарашенным этим простым замечанием, что сердце его молодого коллеги наполнилось жалостью. «Не дай бог так поглупеть на старости лет», – с трепетом подумал он, выпрямив и без того ровную спину.

Дальнейшая беседа протекала в таком же ключе, господин Аем, испытав интеллектуальный шок от общения со своим временным начальством, так и не оправился, потому как инспектор Питу, начав проводить логический анализ изученных материалов, взялся за дело невероятно ловко и уверенно. Его построения были столь внушительны и безупречны, что бедный Аем лишь диву давался, до чего же светлая голова у этого человека. Он сидел напротив своего молодого коллеги и согласно кивал головой, как китайский болванчик.

– Скажите, инспектор, почему у вас возникла такая твердая уверенность в виновности этого русского? – тер свой светлый лоб инспектор Питу и, пока его старший товарищ несколько раз беззвучно открыл и закрыл рот, не дожидаясь его ответа, продолжил свои рассуждения: – Ведь если он и вправду был виновен, то почему ждал, когда обнаружат труп, а не бежал сразу после убийства?

– Так его жена... – попробовал объяснить старый Аем.

– Предположим, он хотел забрать жену, хотя это было вовсе не обязательно. Она явно ни в чем не повинна и могла бы спокойно покинуть страну в любое удобное для себя время, не опасаясь преследования полиции. И тем не менее он нашел в зале жену и беседовал с ней до тех пор, пока не обнаружили тело, не подняли тревогу, и лишь потом предпринял попытку скрыться. Причем действовал довольно глупо и необдуманно. – Инспектор Аем вновь безуспешно попытался сказать что-нибудь умное, но ограничился лишь согласным причмокиванием. – Намного проще было покинуть виллу через парадный вход, на собственной машине. Что могло подвигнуть господина По-лз-уно-ва на такой опрометчивый шаг? Либо страх быть незаслуженно обвиненным, либо полнейшая растерянность, хотя в обоих этих случаях русский должен был знать о смерти своего соотечественника, а возможно, и видел его убийцу, или же и вправду сам является убийцей, а медлил с бегством, не желая оставлять на произвол судьбы супругу, из большой любви к ней, – выдвинул весьма изящную и романтическую версию инспектор Питу. – Вы не знаете, как выглядела его супруга?

Восхищенный таким мыслительным фейерверком, инспектор Аем лишь развел руками.

– Надо немедленно выяснить. Пошлите кого-нибудь из ваших людей. Кстати, вы составили фоторобот предполагаемого преступника или разослали на границы его фото?

Инспектор Аем потрясенно хлопал глазами. Ничего он на границы не посылал. Никаких описаний преступников не составлял, фотографий не добывал, а сидел, старый болван, и ел кузнечиков, инспектор почувствовал такое глубокое отвращение к этому деликатесу, что зарекся брать эту дрянь в рот до конца своей жизни.

Глава 12

Когда Сован вошел в наполненную запахом роз комнату, он сразу увидел ее гибкую стройную фигуру на фоне серой завесы дождя за окном. Миех сидела на террасе, расчесывая сверкающие, густые, черные, как вороново крыло, волосы. Они падали тяжелой волной на ее изящно изогнутую спину, окутывали невесомым покрывалом. Она не обернулась, и он был рад возможности просто любоваться тонким силуэтом, плавными движениями рук, замороженный, околдованный, потерявший рассудок безжалостный хищник, прирученный нежным, как лепесток розы, существом. Само ее имя, означавшее «Золотая роза», было музыкой для него. Он был готов распластаться как верный раб у ее ног, вдыхая тонкий аромат кожи, любясь блеском черных бездонных глаз, поворотом прекрасной шеи. Сован едва не застонал от переполнявшей его страсти, и ему пришлось сжать кулаки, чтобы не выдать своего присутствия.

По лицу красавицы скользнула легкая презрительная усмешка. Она узнала о его приходе, едва Сован переступил порог, но, зная, как эффектна ее поза и какое впечатление она произведет на охваченного страстью мужчину, позволила ему насладиться этим зрелищем, однако не дав насытиться сполна.

Округлая рука безупречного золотистого оттенка оперлась на циновку, и красавица Миех Кулап обернулась к гостю, ее ресницы взметнулись, точно две подхваченные ветерком бабочки взмахнули крылышками. Этот коварный прием завершил маленькое волшебство, произведенное хрупкой камбоджийской Цирцеей, и, сочтя, что достаточно подогрела гостя, Миех поднялась, скромно придерживая края ниспадающего с плеч кимоно, невероятно дорогого, украшенного вышитыми райскими птицами, которое ей преподнес он сам в первый день весны.

Сован зачарованно смотрел на скользющую ему навстречу маленькую женщину с мягким взглядом огромных миндалевидных глаз, пока ее маленькие нежные ладошки не легли на его широкую, словно высеченную из камня грудь. Он неловко обхватил ее хрупкие плечи и хотел поцеловать раскрывшиеся, будто цветок на заре, губы. Но Миех выскользнула из объятий, ласково взяла его за руку и, проводив к мягким, пестрым, заваленным подушками диванам, исчезла за дверью, обещав вернуться через минуту.

Сован встряхнулся, как старый промокший под дождем пес, стараясь избавиться от чарующего видения, лишившего его сил.

Удивительная, невероятная женщина, то нежная, как весенний цветок, неуловимая, как порыв легкого ветерка, то твердая и холодная, как блестящий стальной клинок. Такая рождена властвовать, она должна жить в неге и роскоши, и он ей обеспечит и богатство, и подданных.

Миех вплыла в комнату с подносом в руках, одетая в яркое шелковое платье, струящееся по ее стройной фигуре, подол едва доставал до тонких изящных щиколоток, открывая маленькие ступни и розовые пяточки. Сердце Сована снова пронзило знакомым щемящим чувством сладкой боли.

Когда резной столик черного дерева был сервирован, Миех наконец присела на подушку у ног своего гостя и глубоким, низким, бархатным голосом спросила его о том, как уладились его дела.

– Думаю, сегодня-завтра вопрос благополучно решится. Они покинули Пномпень и путешествуют по провинции в сторону границы. Кто знает, что может случиться с неосмотрительными иностранцами в сельской глуши? – Он улыбнулся ей легкой беззаботной улыбкой.

Но Миех не разделила его веселости:

– Почему полиция не задержала их? Это может здорово все осложнить. Криель должен быть спокоен! – проговорила она прохладным отчужденным голосом, который больно полоснул Сована по сердцу.

– Они ускользнули с виллы. А потом ушли от моих людей. Похоже, мы недооценили этого человека. Возможно, наш покойный друг преувеличил недостатки своего конкурента, – вынужден был признать Сован. – Возможно, он не простой бизнесмен. Кто знает, что тянется за покойным Андре из России?

– Это осложняет дело. – Веки красавицы прикрылись, изогнутые дугой брови приподнялись. – Теперь нам нужно вдвойне торопиться. Сегодня Тхать навестил офис компании, по его приказу заместитель Андре и его бывшая секретарша обыскали весь кабинет, но ни печати, ни правоустанавливающих документов так и не нашли. Сейф оказался пуст, если не считать незначительной суммы и кое-каких контрактов. Криель был в бешенстве. Я была у него, когда он вернулся.

Лицо Сована обрело обычный серый оттенок, губы сжались в тонкую жесткую линию.

– Нельзя слишком спешить, еще один промах может обойтись нам слишком дорого. Надо подготовиться, выгадать момент. На это может уйти неделя.

– Нет. Слишком долго! – Она метнула на него горящий страстью и нетерпением взгляд. – Я не желаю ждать так долго! – капризно изогнула губки Миех. – Нужно что-то придумать. Еще одно происшествие может все погубить. Нам надо спешить.

Она стремительно встала на ноги. Словно язык лилового пламени взметнулся!

– Я знаю, что делать! Я устрою так, чтобы большая тройка забыла про наши дела! Им станет не до Криеля! А когда они опомнятся, будет слишком поздно! – Она торжествующе взглянула на Сована.

Безмерное восхищение и любовная страсть все же не лишили его обычной осмотрительности.

– Что ты задумала? Я должен знать.

– Нет, – сказала она. И ее голос прозвучал повелительно и твердо. – Ты сам поймешь, что момент настал, и только тогда начнешь действовать. А теперь тебе пора. Мы не можем рисковать. – Ее голос вновь обрел колдовскую глубину и мягкость. Нежная рука погладила его худую щеку, и он почувствовал, что становится мягче глины. – Никто тебя не видел?

– Я оставил машину в двух кварталах и прошел через маленькую калитку, – ответил Сован охрипшим голосом, прикрыв глаза в сладкой муке.

– Хорошо. – Она легко коснулась его щеки губами и потянула к дверям, мягко, но настойчиво.

Миех права, сейчас не время, пытался он смягчить горечь разочарования. Ничего, еще неделя, максимум две, и все преграды будут уничтожены, я займу подходящее мне место, а она станет моей королевой. Золотая роза! Он взглянул на нее в дверях и, резко развернувшись, нырнул в темноту сада, прихрамывая и сутуля спину. Дверь закрылась.

Хромой Сован сидел перед экраном телевизора в своей неуютной полупустой гостиной и смотрел репортаж из района Кампонгтхома о дошедшем до этих мест тайфуне. Стихия, пронесшаяся над Филиппинами и Вьетнамом, теперь достигла Камбоджи. Основной удар пришелся на северные и прибрежные районы. Именно в эпицентре сильнейшего тайфуна сейчас находится так беспокоящая его компания. Телефоны этих недоумков, которых он был вынужден послать на поиски ускользнувших русских, молчали. Связь с районом Кампонгтхома была прервана.

Каковы шансы, что двое неприспособленных, напуганных иностранцев выживут в экстремальных условиях? Если мыслить логически, невелики. Но жизнь неоднократно преподносила Совану уроки, убеждая в том, что, каковы бы ни были человеческие расчеты, на все воля Будды. И как бы ему ни хотелось, чтобы все четверо сгинули в этой глуши, рассчитывать на это было глупо.

Глава 13

Лыэнг и Кдан не поверили своему счастью, увидев позади себя два бледных перепуганных лица проклятых неуловимых фарангу.

– Попались! – зло осклабился Лыэнг.

Двое фарангу, то есть Юля с Василием, действительно перепугались не на шутку. Прижатые к пальме вражеским автомобилем, лишённые возможности бежать, они почувствовали себя загнанными в ловушку, а когда в руках толстого бандита появился чёрный, внушительных размеров пистолет, Юля с Василием, не сговариваясь, бросились вниз под сиденья автомобиля, нырнув почти с головой в поднышающую до приборной доски мутную воду.

– Придется лезть на заднее сиденье, иначе их не достать! – зло прокричал приятелю Лыэнг. – Давай ты, ты потяжелее, глядишь, не унесет, я буду держать за ноги.

– Еще чего! Лезь сам, я уж как-нибудь тебя удержу! – Кдан был настроен решительно, он совершенно не собирался рисковать собственной драгоценной шкурой, выполняя задание шефа, плевал он и на шефа, и на задание.

Пока оно не угрожало его собственной жизни – ладно, но теперь его больше волновало, как бы выбраться живым из этой переделки. Тайфун не шутка, сотни людей погибают во время таких бедствий, и он не будет подставляться сам.

Лыэнг, поняв, что заставить Кдана действовать не удастся, молча полез на заднее сиденье и, сбив рукояткой пистолета наиболее крупные осколки стекла, пролез через выбитое окно на помятый багажник. Едва его грудь оказалась снаружи, ураганный ветер тут же подхватил Лыэнга и едва не вырвал из машины, спасибо толстяку, он всем телом навалился на Лыэнга, и только благодаря ему тощий, легкий Лыэнг еще удерживался на машине. Уцепившись одной рукой за погнутый металл, Лыэнг подтянулся ближе к «Рено», чтобы как следует прицелиться. Он уже видел лысую белую макушку жирного, похожего на откормленного борова, русского, до чего же мерзкая, уродливая рожа, подумал про себя Лыэнг, и, вытянув вперед правую руку, приготовился выстрелить, когда какой-то тяжелый предмет, взявшийся неизвестно откуда, ударил его по руке и выбил из нее пистолет. От ветра и секущих струй дождя Лыэнгу постоянно приходилось прищуриваться, он почти ничего не видел вокруг и не понял, что ударило его, обезоружив. Но тут новый удар обрушился на бедного парня, и он сперва ухватился покрепче за сплюснутый в гармошку багажник, а потом приоткрыл глаза и увидел, как жена этого уродливого русского замахивается бутылкой с водой и с перекошенным от ярости лицом бьет ею его по рукам. Острая боль пронзила пальцы его левой руки, и Лыэнг инстинктивно отдернул ее и тут же получил по пальцам правой, его хватка ослабла, и новый, невероятной силы порыв ветра подбросил его вверх, потащив с багажника в сторону.

Толстый Кдан так крепко держал приятеля за ноги, что, когда буря подхватила Лыэнга, его самого потащило следом из машины. «Жук» ходил ходуном, вода в салоне плескалась, как будто это была не машина, а шейкер. Уже будучи наполовину вытянут из салона машины, Кдан наконец сообразил отпустить ноги Лыэнга и, сделав невероятное усилие, скатился на заднее сиденье машины, вцепившись руками в обивку. Лыэнг улетел, даже крика его было не слышно за сильным воем ветра. «Жук» потерял ненадежное сцепление с «Рено» и, подхваченный бурным потоком воды, унесся прочь; на его заднем сиденье, скрючившись от страха, выл насмерть перепуганный Кдан.

Когда «Фольксваген» с противным скрежетом оторвался от их машины, Юля глазам своим не поверила от счастья.

– Василий! Их унесло! – вопила она, победно потрясая бутылкой. – Унесло!

Василий, еще бледный от только что пережитого кошмара, крепко стиснул жену в объятиях, едва не сломав пополам.

– Юлька! Ты самое лучшее, что было, есть и будет в моей жизни! Ты!.. Ты!..

Василию явно не хватало слов для выражения собственного безграничного восторга.

– Как ты их бутылкой! А? – радостно орал он, продолжая трясти ее в объятиях.

Признаться, когда Юля увидела направленный мужу в голову пистолет, она не особенно задумывалась, что делать, просто испытала острую потребность его спасти. И вряд ли кто-то смог бы смотреть спокойно, как на его глазах убивают родного человека. Ничего, кроме рюкзака с бутылкой, у нее в руках не было, потому Юля стремительно, как только могла, кинулась к бандиту и врезала что было мочи. И потом уже била, не останавливаясь, благо он висел в паре сантиметров от покореженного «Рено».

Это просто чудо, что бандитов унесло. Что ни говори, а хорошим людям должно везти. «Вот их смыло, а мы остались», – довольно подумала Юля и погладила мужа по лысой голове.

Глава 14

Вода заливалась в машину, прибывая с каждой минутой, Юле уже залило колени. Автомобиль, прижатый к пальме, дрожал всем телом под напором бешеного ветра. С неба низвергались сплошные потоки воды. За этой водной стеной даже ствол пальмы различался с трудом. Прошло уже не меньше часа, как вражеского «жука» унесла стихия.

– Может, нам удастся просто в машине отсидеться? – размышлял Василий. – Ее, кажется, основательно зацепило за ствол.

– Пока ее не затопит, можно и отсидеться, – прокряхтела Юля, забираясь с ногами на сиденье, хотя вода уже и его начала захлестывать. – А вот потом что будем делать?

– А потом все это закончится и мы выберемся отсюда и доберемся до ближайшей деревни.

– Я, конечно, не специалист, но, по-моему, это может продолжаться не одни сутки.

– А еда? – наконец-то по настоящему запаниковал господин Ползунов.

– Василий! Какая еда? Речь идет о нашей жизни! – И тут их колымагу подкинуло, пару раз трянуло и перевернуло набок, еще плотнее прижав к пальме.

Они едва удерживали равновесие, уперевшись руками в лобовое стекло. Юле было еще ничего, а вот Василию в грудную клетку уперся руль.

– Надо выбирать, – прохрипел муж.

Машину трясло беспрерывно, она дребезжала, грозя развалиться на части.

– Ты документы взял? А-а! – завопила Юля в следующую секунду, потому что прямо на них, вертясь, как пропеллер, летела доска; когда до столкновения оставалось секунд пять, она нырнула в прямом смысле слова, захлопнув покрепче рот, чтобы не наглотаться мутной, вонючей воды, плескавшейся в салоне. Но удара почему-то не последовало, и Юля вынырнула. Василий выглядел каким-то бледным. Его нижняя губа мелко подрагивала, а по лицу катились слезы.

– Вась, ты чего, плачешь? – безмерно удивилась супруга.

– Нет, – слабым тонким голосом ответил он. – Это пот.

Она присмотрелась – и вправду, пот струился по его лицу, стекая со лба обильными ручьями, и капал с кончика носа.

– А где доска? – Юля с удовлетворением осмотрела все еще целое лобовое стекло.

– Она уже ткнула краешком по стеклу, но тут ветер сделал рывок, и ее сбilo пролетающей мимо лодкой. – Василий оторвал от стекла дрожащую руку и вытер, наконец, пот с лица. – Я чуть не умер. Я только что чуть не погиб! Второй раз за день! – Он повернул к жене свое грубоватое лицо с каким-то неуместным детским выражением испуганных, потрясенных глаз.

– Бедненький, иди, мама пожалеет! – протянула Юля к нему руки, скрючившись и с трудом удерживая равновесие.

Василий, согнувшись буквой «г», неловко повернулся и повис на ней всей стокилограммовой тушей. Его тело мелко дрожало, отходя после пережитого стресса.

– Ну, успокойся, маленький, все позади, – гладила Юля его необъятную спину. – Что же ты, глупенький, не пригнулся? – ласково спросила она старого дурня.

– Не успел, – прохныкал Василий. – У меня живот за руль зацепился.

«Трескать меньше надо мучного на ночь», – подумала Юля про себя, а вслух промурлыкала:

– Ну, ничего, бедняжка моя, мамочка рядом, все хорошо.

– Это у тебя все хорошо, – огрызнулся «бедняжка», окончательно придя в себя. – А мне что делать, если опять на нас какая-нибудь дрянь полетит? Нет, я, пожалуй, назад перелезу. Там меня заднее сиденье прикроет.

– Ты с ума сошел? Мы еле-еле тут помещаемся! Как ты туда пролезешь? – Но легче остановить несущегося по саванне носорога, чем принявшего решение Василия.

Оторвав свое могучее тело от приборной доски, он вмял Юлю в сиденье, потом здоровенной ручищей задвинул в самый угол так, что она распласталась всем телом по бывшему полу, уперевшись макушкой в дверную ручку, после чего, оттолкнувшись от жены, протиснулся ближе к крыше и стал переваливаться в заднюю часть машины. Через пару минут, когда Юля кое-как смогла распрямиться и занять более-менее приемлемую позу, Василий уже с удобством устроился между задним и передним сиденьями, прикрытый со всех сторон от возможных неожиданностей. От досады Юля закусила губу. Ну как она сама не сообразила туда залезть? «Вот кретинка!» – запоздало охала Юля, оставшись один на один с лобовым стеклом, которое представляло нешуточную опасность. Еще одна такая доска, и пиши пропало!

– Я к тебе! – безапелляционно заявила она, начав протискиваться следом.

– Нет-нет! – засуетился только что комфортно устроившийся Василий. – Ни в коем случае! Тут места совсем нет!

– Ничего, я худенькая!

Сзади и вправду оказалось тесновато. Они сидели, плотно прижавшись друг к другу; сверху, сквозь дверные щели капала вода, кое-где она текла тоненькими струйками. Почему-то вспомнились пытки, применяемые в Древнем Китае, когда жертве на голову тоненькой струей лили воду. Было тесно, мокро, душно и страшно. Снаружи грохотал ветер, вода в машине медленно, но верно поднималась, теперь она доходила Юле до пояса. Хотелось есть, мышцы ныли от длительного пребывания в неудобной, неестественной позе. Ползуновы сидели так уже около двух часов. Ноги гудели, Юля то и дело пыталась повиснуть на Василии, вначале он терпел, но, видно, и его силы начали покидать, потому что он сам все чаще пытался завалиться на жену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.